

соединение
ФОНД ПОДДЕРЖКИ СЛЕПОГЛУХИХ

Наталья
Демьяненко
На
острове
Милены

Наталья Демьяненко На острове Милены

Благотворительный фонд поддержки
слепоглухих «Со-единение»

НАТАЛЬЯ ДЕМЬЯНЕНКО

**На острове
МИЛЕНА**

Москва

2021

УДК 821.161.1
ББК 84
Д32

Послесловие
Наталья Кремнёва

Редактор
Владимир Коркунов

НА ОСТРОВЕ МИЛЕНА

Глава 1

Д32 **Демьяненко Наталья**

На острове Милена: повесть // Наталья Демьяненко. —
М.: ЛитГОСТ, 2021. — 88 с. — («Со-единенные»)

ISBN 978-5-6044936-3-2

В дебютную книгу Натальи Демьяненко вошла повесть о слепой школьнице Милене, которая обладает Знанием, позволяющим ей предвидеть события из ближайшего будущего. Её способность, в конечном счёте, позволяет предотвратить не одну трагедию...

Дар речи, дар ясновидения. Наверное потому, что эти преимущества подчёркивают человеческую уникальность. Дар речи выделяет нас в мире животных. А дар ясновидения делает особенными среди себе подобных.

Я бы иначе расставила акценты. Я лишена дара видеть. Дара, да. Дара, данного Создателем всему живому. Понять это может только тот, кто имел — и лишился зрения. Зато у меня есть способность предвидеть некоторые события. Лучше бы наоборот.

Свою необычность даром не называю. Называю знанием. Или Знанием. Никаких снов и видений. Это именно знание. Событие ещё не произошло, а я его уже ощущаю, помню. А бывает, я знаю то, что произошло, но чего знать не должна по разным причинам. Вы скажете: как, вероятно, здорово и интересно жить с такими способностями. Поверьте, я отказалась бы от них с радостью, поменяв на счастье видеть. Не предвидеть, а просто видеть окружающий мир.

Меня зовут Милена Барсова. До пяти лет я ничем не отличалась от других детей.

В семье я поздний ребёнок, поэтому, сколько себя помню, постоянно нежилась в обожании своих близких. Мама, папа. Брат, который на четырнадцать лет меня старше...

Папа... Да, папа меня боготворил. В тот последний день моей жизни, счастливой жизни «до», мы отправились с ним наве-

© Демьяненко Н., 2021
© Кремнёва Н., послесловие, 2021
© «ЛитГОСТ», макет, 2021

ISBN 978-5-6044936-3-2

стить бабушку — папину маму. Я тогда всё клянчила, чтобы отец купил мне мороженое.

— А кто от кашля недавно лечился? — спрашивал папа, расстраиваясь, что не может удовлетворить мою прихоть.

Я уже знала, что холодного лакомства не получу, но продолжала канючить, понимая, что взамен запрещённого можно выпросить много других приятных вещей.

И точно! Мы останавливались, чтобы я покаталась на качелях, похожих на огромные весы.

Потом папа купил мне любимую слоёную трубочку с заварным кремом и маленькую бутылочку с напитком, пахнущим апельсином. Я медленно, растягивая удовольствие, ела пирожное, запивая сладкой газировкой... Это было очень приятно, я даже, кажется, слегка прикрыла глаза, вот и не поняла, почему вдруг... Резкий поворот вправо, лимонад плеснул в лицо... Ещё поворот вправо... Ещё... Ещё...

Помню, как ненадолго придя в сознание, чувствуя на лице что-то липкое, я всё время думала про лимонад, удивлялась, почему он больше не пахнет апельсином.

В тот день я потеряла отца.

А ещё стала слепой. Травма головы во время аварии обесцветила мир на всю оставшуюся жизнь. А однажды я поняла, что это не последнее изменение, произошедшее со мной после того рокового дня.

* * *

Я изводила мать воплями:

— Больно! Больно! Не пойду!

— Где больно, где? — мама нервничала, никак не могла понять причину моего отказа идти в магазин. Я и сама не могла сказать, откуда уверенность, что если пойду с мамой... будет больно.

— Не могу я тебя дома одну оставить. Прекрати капризничать! — уговаривала мама. — Я куплю тебе в магазине новую кассету, хочешь?

О, от кассет со сказками или музыкой я отмахнуться не могла ни при каких обстоятельствах. Здоровущий музыкальный центр и кассеты занимали тогда основную часть моей жизни и моей комнаты. Это сейчас у меня компьютер с голосовым синтезатором. Тут тебе и книжки, и игры, а, главное, много-много музыки. А тогда были кассеты.

До магазина мы так и не добрались. Я поскользнулась и вывихнула ногу.

— Больно, больно, больно, — кричала я уже обоснованно.

Через неделю к маме пришла подруга тётя Таня с сыном Ромой.

— Ты совсем-совсем не видишь? — спросил Рома.

— Совсем — отозвалась я.

— И меня не видишь?

— Не вижу.

— А как же ты живёшь?

— Нормально.

И тут мои руки как будто вспомнили ощущение чего-то бархатистого, тёплого, очень живого. В сердце пробудилась нежность, впрочем, не без зависти к Роме с его бесцветным сереньким голосом.

Да, у меня так. Я не вижу, зато хорошо помню цвета. И голоса людей представляю в виде цвета. Например, у мамы голос жёлтенький, как дыплячий пух. Она им совершенно не умеет говорить строго. Даже если очень сердится.

У брата Гриши голос синий-синий. Сумасшедше красивый. У моей подружки и одноклассницы Наташки голос меняется в зависимости от настроения. Помните, радуга? Каждый охотник желает знать, где сидит фазан. Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Ну, до двух последних дело не доходит. Но то, что, будучи в плохом настроении, своим ярким, звучным и совсем не мелодичным в такие минуты голосом подруга ставит всех на место, — это совершенно точно.

Так вот, у Ромы голос был никакой. Наверно, когда он вырастет, станет обладателем густого чёрного баса.

— Какой у тебя котёнок миленький, — сменила я тему. Не то, что меня задевает, когда обсуждают мой недуг... Просто что там обсуждать-то? Скучно.

— У меня нет котёнка, — удивился Рома, — я давно прошу родителей, но они говорят, что кошку хорошо держать в деревенском доме, чтобы мышей ловила, а в городской квартире незачем. Придётся ждать, когда я вырасту, — мальчик вздохнул. С этим «вырасту» его разделяла целая вечность. — Заведу себе шесть кошек.

А котёнок в моих руках — Ромин котёнок — убаюкивающее замурлыкал.

Мамина подруга поселилась в нашем доме незадолго до описанной сцены... В нашем подъезде вообще принято поддерживать приятельские отношения. Мой брат Гриша живёт в квартире напротив. Женится на соседке Гале. А Гришин лучший друг, он же по совместительству моя первая любовь, Серёжа, до своего недавнего переезда занимал квартиру на два этажа выше. Вот и тётя Таня с Ромой тоже из нашего компанейского подъезда. Живут на первом этаже. Однажды в их почтовый ящик бросили письмо, адресованное моей маме. Они живут в квартире № 2, а наша — № 12. Вот почтальон и ошибся. Тётя Таня принесла письмо сама. С тех пор они с мамой не разлей вода.

Через месяц после того как я познакомилась с фантомным котёнком, нас пригласили к Роме на день рождения.

И я «увидела» котёночка, которого только сегодня подарили счастливому имениннику. Бархатистый тёплый клубочек мурлыкал в моих руках.

* * *

Наступление Знания сама контролировать не могу. Зато оно помогает влиять на некоторые события. Не всегда.

— Гриш, возьми с собой зонтик.

— Зачем? Погода хорошая. И прогноз отличный, да я и сам вижу — на небе ни облачка.

— Возьми, Гриша. Ты же мокрый.

Я почувствовала его насквозь промокшую одежду.

Не взял, конечно. В результате пришёл домой промокшим до нитки. Ливень шёл каких-то пять минут из невесть откуда взявшейся тучи. Брату хватило.

— Ясновидящая! — в голосе Григория послышалось подобие уважения.

В другой раз я попросила маму купить мне шампунь «Дракоша» с фруктовым ароматом.

— В другой раз Милена, хорошо? Сейчас денег почти не осталось.

Денег мало... Знание!

— Мам, переложи кошелёк из сумки в карман пальто.

— Зачем? Из кармана потерять гораздо легче, чем из сумки.

— Ну переложи, пожалуйста.

Я ведь знала, что не переложит...

К счастью, зазвонил телефон. Аппарат у нас тогда был самый простой, с крутящимся диском и шнуром. Его нельзя было не то что взять на улицу — из комнаты в комнату перенести.

Вот и славно. Я легко нашла на ощупь мамину сумочку. Она лежала на столике в коридоре с небрежно расстёгнутой наполовину молнией. В это-то отверстие и проскользнула моя рука; извлекла кошелёк. Я жутко разволновалась, чувствуя себя настоящим карманным вором. Вздохнула свободно только когда кошелёк перекочевал в карман мамино пальто.

Пошла в свою комнату.

— Милена, я ухожу.

Хлопнула дверь.

Ура, не заметила!

— ...И можешь себе представить, — рассказывала мама вечером Грише, — чувствую лёгкость в руке. Только что была сумка, и на-те, одна ручка болтается. Срезали. А у меня в кошельке последние деньги.

Стала кричать, да толку-то что. Советуют идти в милицию. И вот чудо! Руку в карман сунула, а там кошелёк.

— Я же говорила, мама, не клади деньги в сумку, — встречаю я. — Чудо — это я. Я переложила кошелек тебе в карман. Я же знала, что сумку украдут.

— Да откуда ты могла знать?

Представьте себя на маленьком острове. До большого берега рукой подать, там суета жизни, там плохое и хорошее, а на острове вы совсем одни.

Вот и я со своим Знанием нередко чувствую себя на таком острове. Люди близко, но я одинока.

«Откуда ты можешь знать?» Этот вопрос я слышала раз двести. Самое трудное — объяснить откуда. Гриша был первый, кто пришёл на мой остров, который, по аналогии с местом изгнания Наполеона, я в шутку называю островом слепой Милены. Брат верит мне однозначно. Правда, и он не сразу понял, что от меня не зависит наступление откровения.

— Расскажи мне, пророчица Милена, сдам я завтра экзамен? — спрашивал он меня, заканчивая последний курс института.

— Не знаю.

— Но ты же ясновидящая.

— Да ну тебя!

А вообще — хочешь, скажу? — нет, не сдашь.

Я смеялась, в действительности не зная, сдаст ли он экзамен.

Зато я знала именно тем своим Даром-Проклятием, чем занимался мой братец накануне экзамена с соседкой Гусей. Когда меня накрыло это Знание... Ну что тут объяснять... Мне лет-то всего ничего было, а тут сцены из фильма для взрослых. Смотри я фильм, и не поняла бы, что на экране делается. А тут как будто рядом с ними... Краснела и бледнела.

А вы говорите — Дар.

Экзамен братец завалил — так ему и надо! — зато с тех пор твёрдо уверовал в мой талант. Забавно. Я ведь про экзамен как раз и не знала. А другими открытиями и его... нежностью с соседкой я, конечно, с Гришей не делилась.

Мама тоже постепенно поверила. Хотя долго считала всё, происходившее со мной, простым совпадением.

Но, в общем-то, и она стала гостьей моего острова.

Ещё подруга Наташка.

Но её мои провидческие признания почти всегда раздражали. Может, потому что я говорила ей то, чего ей не хотелось бы слушать.

— Зря ты о нём думаешь, — отвечаю я на восторженные излияния в сто-какой-то-раз влюблённой Наташки.

— Почему ты так считаешь? Или опять Знание дурацкое?

— Ага, опять.

— Ну и держи его при себе. Сколько раз просила...

Я и стараюсь держать при себе, но не всегда получается. А когда получается, не всегда считаю себя вправе скрывать. Такое чувство, как будто кто-то неведомый, кроме всего прочего, наложил на меня ответственность.

Ответственность решения, что лучше: промолчать и дать возможность надеяться, хоть и зря, или рассказать, избавив тем самым от напрасных иллюзий. Вот что бы вы выбрали?

Впрочем, это мелочи. А вот сегодня... Сегодня мне действительно тяжело. И я не знаю, что делать.

Глава 2

Мой город — Санкт-Петербург. Моя школа — а я ещё ученица — школа-интернат для слепых и слабовидящих детей имени Гротта. Мой 10 класс — лучший класс на свете.

В нём учатся всего девять человек. Полностью незрячие только мы с Наташей Кравчук и наш безусловный лидер Стёпа Горшин.

Марина Вульская — «больной зуб» нашего класса и лично мой, она входит в число тех, у кого сохранён хоть небольшой, но остаток зрения.

Марина Вульская... Голос у неё белый-белый. Говорит — как поёт. Да она и поёт! Окончила музыкальную школу, хоровое отделение.

Она и сама тоже безупречно белая. Просто боишься её испачкать одним своим «аморальным» присутствием. Она не прогуляла за время учёбы ни одного урока, не списала ни одной контрольной. Я не в состоянии представить Вульскую в детстве, намочившую, вопреки приличиям, хотя бы одну пелёнку.

Кстати, о контрольных. Знаете, как мы занимаемся? Прежде всего, и пишем, и читаем с помощью рельефного шрифта Брайля. На парту кладём прибор: такая металлическая штука. В него вставляется лист брайлевской тетради, который фиксируется штифтами. Пишем грифелем — похожим на шило инструментом. Учебники кладём на левый край парты. Мы давно привыкли пальцами левой руки считывать текст с книги, а правой — орудовать грифелем. Ничто не мешает при необходимости точно так же читать шпаргалку, только по понятным причинам шпаргалки на парту не выкладывают. Зато в парте, как специально, устроена очень удобная полочка, расположенная прямо под крышкой рабочего места. Туда складываются как не нужные в данный момент тетради, прибор и книжки, так

и заранее приготовленный листочек с подсказкой. Для того чтобы воспользоваться шпорой, достаточно запустить одну руку под крышку парты, а другой списывать прочитанное. Остаётся только не забывать время от времени делать вид, что читаешь учебник. Сами понимаете, присутствие учителя в классе никто не отменял. Особенно артистичные ученики иногда притворяются озадаченными, как будто ломают голову над заданием. Но я это не приветствую. Зачем? Это уже прямое издевательство. Я хоть и не Вульская, но считаю, что у всего должен быть разумный предел.

Ну да это я к слову.

В конце полугодия класс ожидало нешуточное испытание: контрольная по алгебре. Материал был трудный. Контрольную боялись все, кроме отличников.

— Представляю, сколько мы двоек нахватаем, — сокрушённо сказала Наташа, когда учительница по математике, Вера Андреевна, объявила день контрольной.

— Не сомневаюсь, — ответила Вера Андреевна. — Ваш класс какой-то особенный. Вы даже списывать друг у друга толком не умеете. За всеми другими только и следи, а у вас это дело совсем не отлажено.

— Мы стараемся учиться честно, — отозвалась Вульская.

— Похвально, — усмехнулась Вера Андреевна.

Бывает, молодые педагоги, что называется, косят под «своих в доску». Дескать, я свой, меня бояться не надо. Но «свой» очень быстро начинает понимать, что при таком раскладе ученики на «раз» садятся на шею и перестают воспринимать педагога всерьёз. Тогда наступает время другой крайности. Надеваются ежовые рукавицы. Ребята, которых вдруг начали «строить», демонстрируют решительное сопротивление. Связь учитель — ученики рвётся навсегда.

Вера Андреевна не была вчерашней студенткой пединститута. Ни под кого не косила. С ней можно было поговорить, пошутить, но зарываться никому не позволялось. Поэтому Веру Андреевну мы не просто уважали — любили.

— Слушайте, бездарный народ! — подал голос Степан Горшин, лишь только за математичкой закрылась дверь, — я уязвлён в лучших чувствах. Как, вы даже списать друг у друга не можете? А давайте этой контрольной вернём Вере веру... — кто-то засмеялся, а Стёпа продолжал: — Веру в любимых учеников. Маша, сможешь достать карточки с заданиями контрольной?

— Легко, — откликнулась бойкая Маша Фёдорова. — Я видела, Вера часто раскладывает карточки на своём столе.

В один из дней брат как всегда привёз меня в школу. Я поднялась на третий этаж. Длинный коридор, в самом конце наш класс. Открываю дверь.

— Привет всем!

— О, ты уже пришла? — зазвучал розовый голос моей подруги. — У нас новость. Машка достала карточки с заданиями контрольной. Мы всё переписали и вернули карточки Вере в кабинет...

Послышался звук открывающейся двери. Шаги.

— Кто-то пришёл?

— Да, это я.

Вульская.

Плевать на неё.

— Ну и как задания?

— Стёпа с Юлей всё решили. Там два варианта. Каждый переписывает оба на всякий случай, а на контрольной просто списываем в тетрадь решение своего.

— Представляю как Вера упадёт. Весь класс напишет на пятёрки.

— Да она, конечно, догадается, что что-то не так, но зато не будет говорить, что мы даже списать не способны.

— Барсова и Кравчук! Извините, конечно, что я вмешиваюсь в ваши разговоры...

Нет, что там ни говори, а голос у Вульской красивый.

— У нас есть имена.

— Спасибо, Наташа, я в курсе. Я только хочу сказать, что участвовать в ваших планах не намерена.

— То есть ты не будешь пользоваться уже решёнными заданиями? — уточнила я.

— Разумеется, нет.

— Да и фиг с тобой. Кто бы сомневался, — подруга явно начала злиться, — решай сама. Надеюсь, ты не собираешься предупреждать Веру?

До ответа Вульская не снизошла.

В тот же день выяснилось, что на контрольную придёт завуч.

Вера Андреевна казалась расстроенной. Ещё бы. Кому приятно, когда начальство стоит над душой. Но такое бывает, и мы особенно не напрягались. Одно дело ломать голову над неудобоваримой задачей, другое — аккуратненько переписать решение.

Урок начался. Завуч школы, Нина Ивановна, пришла, как и обещала. Голос у Нины Ивановны был серый с металлическим отливом.

— Надеюсь, все готовы к контрольной?

— Мгм.

— Готовы.

— Да чего там, готовы, — ответили несколько человек.

Я молчала. Что-то тревожное шевельнулось в душе, хотя никакого Знания не было и в помине. Что ж, тревога перед контрольной — дело обычное.

Вера Андреевна раздала карточки. Мне достался первый вариант заданий.

Я пошарила рукой в парте. Вот моя заветная шпаргалочка. Сейчас спокойно буду переписывать то, что решали наши замечательные математики Стёпа и Юля.

— Кому что непонятно в заданиях? — произнесла математичка дежурную фразу. — Спрашивайте, пока не начали писать.

Мы ответили дружным «нет». Всем всё понятно.

— Ну, смотрите.

А чего смотреть? Алгебраические гении ни у кого из нас сомнения не вызывали.

И тут задвигался стул в ряду возле окна. Белое сияние ангельского голоса накрыло класс.

— У меня не вопрос. У меня предупреждение.

— Что случилось, Марина? — холодно спросила Вера Андреевна. В отличие от других учителей, она никогда не обращалась к нам по фамилиям. Вульскую она недолюбливала. Мы чувствовали это, хотя, конечно, антипатию учительница старалась не афишировать.

— О чём ты хочешь предупредить?

— Сейчас все, кроме меня, приготовились списывать решения с приготовленных шпаргалок. Я не хочу ябедничать за глаза. Это было бы подло. Я говорю при всех. Мало того, я заранее довела до сведения своих одноклассниц, Кравчук и Барсовой, что в некрасивых замыслах участвовать не буду.

Она вещала как диктор из телевизора. Если бы я плохо её знала, подумала бы, что текст речи был заранее подготовлен и тщательно выучен. Ни одной запинки.

— Я знаю, — продолжала Вульская, — ребята будут на меня обижены, но я решила, что преподнести подобный урок необходимо для их же блага. Каждому человеку нужно знать, что поощрение всегда должно быть заслуженным. Иначе оно не имеет смысла.

Если бы не было завуча, Вера Андреевна так или иначе замыла бы эту историю. Поругала бы для вида, поменяла бы задания.

При сложившихся обстоятельствах двойки за контрольную получили все поголовно. Нет, вру, конечно. За исключением Вульской.

Особенно несладко пришлось тем, у кого по математике обычно хорошие отметки.

Наташка, захлебываясь от рыданий, орала на меня:

— Где было твоё идиотское Знание? Что, что я буду делать с тройкой в четверти?

Ты-то сама худо-бедно на массажиста и так пройдёшь, а я в университет хочу.

— Да я-то при чём? Ты же знаешь, *это* от меня не зависит.

— Тогда для чего и кому оно вообще нужно?

Я не знаю, кому моё Знание нужно, не знаю, для чего. Почему оно иногда приходит, а иногда нет. Да и в этом ли дело?

Сегодня я пришла, как обычно, в школу, Гриша проводил меня до вестибюля, чмокнул в щёку. И тут раздался голос Вульской:

— Здравствуй, Милена!

В этот момент меня накрыло Знание. В конце этой недели эта самая Вульская, противно правильная и честная, ненавидимая всем классом, трагически погибнет.

* * *

Мы уже взрослые: 15–16 лет. Поэтому почти все приезжают в школу и уезжают домой сами. Поскольку у нас интернат и за нас отвечают воспитатели, родители пишут соответствующую бумагу, которая даёт воспитателю право отпускать учеников из школы без контроля. Моя мама такую цидулину не давала. Меня привозит и забирает брат. Кажется, из-за этого одноклассники слегка меня презирают, но я не комплекую. Мне нравится ездить с Гришей в машине, пахнущей дорогим парфюмом. Нравится забрасывать сумку с тетрадками на заднее сидение, пристёгиваться ремнём безопасности и болтать без умолку о прожитом дне.

Брат — самый важный человек в моей жизни. Думаю, даже в его друга Серёжу я влюбилась, потому что он Гришин друг.

Я всегда ревновала брата к его девушкам, а их было немало. В Грише бездна обаяния. И как же меня бесило, когда Вульская, которая в обычное время иначе как по фамилии ко мне не обращалась, в присутствии брата начинала «отражать» голосом солнечных лучи:

«Здравствуй, Милена!» «Как дела, Милена?»

Хотелось взвыть и ответить гадостью.

— Почему ты каждый раз морщишься, когда эта девочка к тебе обращается? — однажды поинтересовался Гриша.

— Я её терпеть не могу. Она противная. Да её весь наш класс не переваривает.

— Да? А внешне ничего. Хорошенькая.
— Ну, значит, внешность обманчива.

Марина Вульская. Знание. В пятницу произойдёт нечто на ближайшей к школе остановке, и это убьёт обладательницу белого голоса.

Что мне было делать?

Подойти к Вульской и заявить: не ходи на остановку в пятницу, иначе погибнешь? Какую арию она мне в ответ выдаст — даже думать не хочется. Да и правда: не пешком же ей идти домой.

Я решила поговорить с Наташкой.

— Что? Погибнет? Туда и дорога. Бог видит, кого обидеть.

— Да ты с ума сошла! Ты, значит, всё ещё не принимаешь моё Знание всерьёз? Иначе не стала бы так говорить.

— Милена, у меня сегодня что-то вроде свидания. Расскажу потом. А Вульская... Ту контрольную я ей никогда не прощу.

Да, тогда милая Мариночка настроила против себя всех.

— Гадина!

— Предательница!

— Сука!

Только Степан сделал попытку оправдать одноклассницу:

— Согласитесь, в этом что-то есть. Не захотела идти в общем строю, не побоялась выступить против класса. Она упорно отстаивает свою правду, свою мораль.

— Так можно было бы говорить, Стёпа, — возразила я, — если бы она сразу, ещё когда мы договаривались, сказала о своих намерениях. Так и так, ваша идея не вписывается в мои представления о морали и справедливости. Мы ведь спросили её. Из её ответа выходило, что она просто не воспользуется решёнными заданиями. А она вон что сделала! Испортила нам оценки в конце четверти. Поучить решила нас, убогих. Да и Веру подставила перед завучем. Смотрите, мол, что на её уроках делается. Стерва она стерва и есть.

Стерва, конечно.

Но как поступить мне? Наташкина резкость покорила. Ведь она верит в моё Знание. Не может же человек с такой лёгкостью из-за паршивой двойки пожелать смерти другому? Или мысли о свидании не позволяют ей всерьёз задумываться о других проблемах? Хотя в чём-то Наташа права. Пусть всё будет как будет. Почему нет? Я могла и не знать о предстоящем несчастье. Буду жить дальше, как будто ничего не случилось, как будто я ничего не знаю. Да я ведь и правда не знаю. Чувствую только — что-то должно случиться. Как можно предотвратить то, о чём не имеешь ни малейшего представления? Когда беда с Вульской случится, кто с меня спросит? Никто.

Никто не спросит и никто не осудит.

Никто. Кроме меня самой.

И этот суд — я это понимала — будет самым строгим, самым неподкупным.

Глава 3

Во время уроков я сидела как на иголках, представляла наш класс без Вульской. Заманчивая картина выходила, прямо скажем.

Последним уроком была биология. Вульская сидела прямо за мной. Я не выдержала, обернулась.

— Вульская, ты после уроков куда?

— Поговорим именно *после* уроков, Барсова.

Я скрипнула зубами. О чём я собираюсь говорить с этим роботом? Какое мне до неё дело?

— О чём ты хотела меня спросить, Барсова? — снизошла Мариночка, когда прозвенел звонок.

— Ты на двадцать шестом автобусе до метро «Восстания» едешь?

— Нет, иду пешком до «Красногвардейской». Не люблю автобусы. Почти никогда ими не пользуюсь.

— Правда? Я испытала смешанные чувства. Какое облегчение! В то же время никогда ещё моё Знание не подводило меня. Но ведь это совсем не означает, что *этого* не может произойти.

— А почему тебя это интересует, Барсова?

— Ну-у-у... Григорий говорит, что у него очень загруженный график работы и не исключено, что на днях он не сможет за мной приехать. Я думала, ты меня проводишь до метро...

— Если хочешь, я могу тебя отвезти, куда нужно, — подошёл одноклассник Тимур Орлов.

Мой беззаветный воздыхатель, между прочим.

— Спасибо, Тима.

— Но если тебе всё же понадобится моя помощь, обращайся, — проговорила Вульская.

— Да, да, спасибо, Марина, я знала, что могу на тебя рассчитывать.

Неужели Знание мне всё-таки изменило?

А хорошо бы стать как все! Не прислушиваться к своему внутреннему голосу, не бояться дурацких наитий к месту и не к месту.

* * *

— Ты что такая? — спросил Гриша, когда мы ехали в машине.

Мне не хотелось ему рассказывать, хотя и надо бы, наверно. Брат бы скорей всего понял меня.

— День сегодня какой-то странный. На уроках никак не могла сосредоточиться.

— Не влюбилась случайно?

— Нет. Ты же знаешь, я люблю Серёжу.

— Наслышан, но повторяю в сто пятый раз, всё это глупости. Выброси из головы.

Да, он именно в сто пятый — или не знаю уже в какой раз! — это повторяет.

— Да почему глупости?! — как и всегда в таких случаях с полуборота завелась я.

— Потому что жалко, что ты теряешь на этот бред душевные силы. У вас в классе вроде неплохие пацаны.

— У нас в классе пацаны хорошие, но если бы я влюблялась во всех, кто хороший!.. Мне нужен только Сергей. Ты же не боялся тратить душевные силы на Гусю.

— На Галину, — тоже в какой уже раз одёрнул брат. Галя хорошая девчонка. Я никогда не жалел и не жалею, что она моя жена. К тому же она мать Антошки.

— То есть ты считаешь, что Сергей — парень плохой?

— Прежде всего, Милена, — строгий голос брата набирал силы для того, чтобы стать сердитым, — прежде всего, он не совсем парень, во всяком случае, для тебя. Взрослый мужчина. Тебе не ровня.

— Ой-ой-ой! Простите, пожалуйста! Так и ты не ровня. Тоже на четырнадцать лет старше.

— Я твой брат.

Мы помолчали. Тема разговора была неприятная, и в то же время мне не хотелось, чтобы наш спор закончился ни на чём. Хотелось высказать то, что болело.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, Гриша.

Брат вздохнул. Понимал, наверно, о чём пойдёт речь.

— Ты считаешь, что Сергей мне не пара, потому что я слепая.

Машина остановилась, Гриша повернулся ко мне. Потом проговорил жёстко:

— Да, это тоже имею в виду. Я верю, что ты найдёшь хорошего друга, возможно, мужа. Я даже не исключаю, что он будет с нормальным зрением. Что он будет любить тебя, оценив твой ум, душевные качества, красоту, в конце концов. Но это будет не Сергей. Не умею предсказывать, в отличие от некоторых. Я просто логически мыслю. Серёжка — бабник. Он столько тёллок перебрал, что мне и не снилось.

— Ну, ясно. Ты ему просто завидуешь. А я не против стать его очередной, если не женой, так любовницей.

Я зарвалась и понимала это.

— Вот тогда я лично ему все кости переломаю.

В общем, поссорились мы крепко. Мы почти всегда ссоримся, когда разговор заходит о Сергее.

Молча поднялись на лифте, дошли до квартиры. Гриша открыл мне дверь и, не попрощавшись, ушёл.

Ушёл к своей Гусе.

* * *

Я не люблю невестку. Я вообще не люблю всех женщин, которые окружают моего брата, но невестка мне неприятна сама по себе. Я на дух не выношу её сюсюканий: «Милечка», «Миленочек», «Милюшечка»... Я уважаю своё имя и мне претит, когда его коверкают или заменяют какой-нибудь несурзаницей.

А ещё Гуся постоянно норовит меня обнять. Если бы я решила отплатить ей той же монетой, оказалась бы перед нешуточной проблемой. Невестка моя — дама упитанная. И я бы не сказала,

что в меру. Мне даже странно, что у братца оказался столь экзотический вкус.

Я от души хлопнула дверью квартиры. Пусть Гриша говорит, что хочет. Я всё равно верю, что моя любовь к Серёже когда-нибудь получит вознаграждение. Ну да, он из категории Дон Жуанов, но когда-нибудь он поймёт, что сильнее и преданней меня его не любит и не будет любить никто.

А что будет со мной, если он тоже найдёт какую-нибудь Гусю и решит жениться? Мысль показалась невыносимой.

Жалко, что меня ни разу не посещало Знание относительно Серёжи. А может, и хорошо. По крайней мере, мечтать мне никто не запретит. И надеяться.

Я прошла на кухню. Открыла холодильник. Проверила рукой содержимое. Котлеты, макароны. Вообще-то я умею немного готовить сама, но раз это прекрасно делает мама, зачем утруждаться?

Разогрела обед в микроволновке. Быстро поела. Приготовила еду для Ундины: в те же макароны с котлетой добавила немного бульона из супа. Не забыть бы отнести. Стала мыть посуду.

В дверь позвонили. Два коротких звонка. Открыла, не спрашивая. Так звонит только наш сосед. Ромка!

— Привет. Ну что, идём?

— Куда? Ой! — Я пришла в ужас. Сама же просила Рому сходить со мной в магазин, купить подарок брату и, может быть, присмотреть что-нибудь к Новому году.

У Гриши 24 декабря день рождения. Через три дня. Мы с мамой решили подарить ему часы. Мама мне и деньги оставила. Я легко договорилась с Ромой. Он хороший приятель. Всегда готов помочь. И вот надо же, совершенно вылетело из головы!

— Ромка, я сейчас! — крикнула, вбегая в свою комнату и, рывком открыв дверцу шкафа, стала кидать на пол всё, что попадалось под руку: блузки, юбки, джинсы. В чём-в чём, а в тряпках отказа у меня не было! Одевать меня любит мама, которая в детстве, наверно, не доиграла в куклы.

Меня-то одежда интересует только в плане комфортно — некомфортно. Так, эти джинсы в прошлый раз ужасно попортили мне кровь. Очень уж тугая застёжка, а, может, это я поправилась. Кофточка хорошенькая, материал приятный на ощупь, но слишком длинные рукава. Мне постоянно хочется их засучить.

Наконец, выбрала утеплённые брючки и джемпер. Переоделась. Привычным движением взяла со столика расчёску. Привела к порядку слегка взлохматившиеся волосы.

На ум пришли слова брата: «Кто-нибудь оценит твой ум, душевные качества. Красоту, в конце концов».

Мою? Красоту?

Что ж, я среднего роста с очень приличной фигурой. У меня маленький аккуратный носик, а глаза, наоборот, большие, с длинными ресницами. Цвет, помню, серый с зеленью. Сергей как-то сказал про меня: «Девушка с волосами цвета пшеницы и глазами цвета морской волны». Звучит неплохо, правда? Волосы спускаются на плечи мягкими локонами...

— Милена, ты где там? — Недовольный голос Романа из коридора заставил очнуться от внутреннего самолюбования. Балбесина! Ждёт же человек. Сейчас.

Вот только ещё пшикну разок духами. Куда я их подевала-то?

— Иду, иду! Надо же немножко красоту навести, — откликнулась я.

— О-о-о! Мне, что ли, понравиться хочешь? Зря стараешься.

— Нужен ты мне!

Да где же они? Вот — любимая туалетная вода от «Живанши». Обожаю парфюмы с лёгкими цитрусовыми нотами.

Я вышла в коридор.

— Палку свою брать не будешь?

— Ты будешь палкой, согласен?

Я надела зимнюю куртку. На ноги изящные полусапожки. Взяла сумочку.

— Ну если только не дубиной...

Мы уже выходили, когда я вспомнила про Ундину.

— Рома, подожди, еду для Ундины прихвачу.

— Здравствуйте, ты в таком наряде будешь кошку ободранную трогать?

— Она не ободранная, — я сделала вид, что сержусь. Сделала вид, потому что на самом деле, конечно, не сердилась. Мой сосед сам обожает животных. Я всегда ему завидовала. У него дома почти всегда были кошки, собаки, раненные голуби и прочая живность. Его родители сперва пытались сопротивляться. Дескать, кто же зверей в квартирах держит, но потом поняли, что сыну можно либо разрешить держать животных дома, либо периодически проверять его на наличие кожных заболеваний, а то и ещё чего похуже. Потому что, если в доме не будет животных, он начнёт изливать любовь к братьям меньшим на хвостатых и пернатых уличных бродяг.

Я взяла со стола блюдо с кошачьей едой.

— Дай сюда. Хватит с тебя сумки. Бери и пойдём уже!

Я усмехнулась. Мне нравилось, когда Ромка, добрей и мягче которого трудно себе вообразить, начинал строить из себя строгого командира.

* * *

Когда-то Ундина была домашней кошкой. Принадлежала дяде Паше, инвалиду на костылях, жившему на первом этаже. Дядя Паша часто отпускал любимицу на улицу. Она могла гулять несколько дней кряду, но неизменно возвращалась к родной двери. Однажды у дяди Паши случился инсульт. Соседи вызвали «скорую». Врачи приехали быстро, но спасти дядю Пашу не смогли. В освободившуюся квартиру вселились его родственники. Кошка осталась бездомной. Новые владельцы не взяли её вместе с унаследованной жилплощадью...

Однако Ундина, как и прежде, приходила к дверям квартиры. Кое-кто из соседей пытался пристроить её у себя. Но из этого ничего не вышло. После прогулки Ундина продолжала ждать возле двери своего бывшего жилья. Ждать, когда знакомая дверь откроется для неё... Потом облюбовала место на лестнице. Мы с Ромой принесли ей коробку с уложенным в неё старым махровым полотенцем. Регулярно приносили еду.

Соседи Ундину знали, её никто не обижал. Недовольна была только баба Настя со второго этажа. Впрочем, и она ругательски-ругая всех, кто приручает к подъезду «уличную заразу», на деле кошку не трогала.

— Ундина, Ундина, — позвала я.

Рома поставил блюдце с едой. Наша подопечная ни на какие «кис-кис» не отзывалась.

— Идёт, — подсказал Рома. И точно, о ногу потёрся мягкий кошачий бок.

— Кушай, Ундина, красавица!

— Опять бродяг прикармливаете!

Ну вот, я же говорю! Баба Настя собственной персоной.

— Она не бродяга, — вступился Рома, — вы же знаете.

— А котят здесь нарожает, всю лестницу зассут. Если еду девать некуда, лучше нищих накормите, сам Бог велел, а то какой-то дряни человеческую пищу отдают. Тьфу!

Ну, началось.

— А может быть, Бог послал эту кошку для того, чтобы смягчить наши сердца... — подала я голос.

* * *

Нашему поколению досталось очень много цинизма. Когда-то люди искренне верили в Бога. Наши бабушки и мамы верили в неизбежность Коммунистической партии. У них был свой Бог, — Ленин. Я родилась в восемьдесят четвёртом. Время, когда всё, во что верили мои родители, билось в предсмертных конвульсиях. Во что верить нам? Я знаю много людей, которые считают себя верующими, ходят в храм, постятся... Но для скольких из них настоящую веру подменила мода? Как обтягивающие юбки, рваные джинсы... Наше время — это мода на два «Х»: Христос и Холестерин. Для одних сливочное масло недопустимо из-за избытка в нём холестерина, для других — потому что постный день. Да простят меня истинно верующие! Впрочем, они-то как раз простят. А такие вот бабы Насти, легко сменившие воинствующий атеизм воинствующей же Верой, забрасывают камнями. Пусть бросают.

— Много ты понимаешь, — проворчала бабка.

Знание.

— Много не много, — я начала тараторить, меня понесло. — А вот могу сказать. Вы коньяк хороший припасли к приезду сына, а дядя Вася его нашёл и втихаря выпил с дружкой.

— Чего-о-о?

— Пойдём, Милена.

Рома потянул меня за рукав.

Мы вышли на улицу.

— Что это было? Откуда ты знаешь про коньяк?

— Бесплезно объяснять. Ты же всё равно мне не веришь.

— А, опять твои Знания... Ну и прикусила бы язык, если знаешь.

— Не всегда успеваю прикусить.

— Я уверен, Милена, что всем этим чудо-явлениям есть какое-то объяснение.

К тому же ты могла ошибиться.

Я подумала, что, в принципе, конечно, могла и ошибиться. Вон как с несчастным случаем с Вульской. Я знаю, что с ней что-то случится в пятницу, когда она окажется на автобусной остановке. В то же время стало ясно, что она никак не может там оказаться. Вот и сейчас, с соседом. Я просто вижу и слышу, как он наливает коньяк и объясняет собутыльнику:

— Хороший коньячок. Бабке моей дочка подруги из Франции привезла. Бережёт к приезду сына. А я вот решил тебя угостить. Не обеднеет сын. Сам катается по заграницам, нам хоть бы копейку лишнюю подброесил.

Я слышала голос дяди Васи. Неужели просто воображение?

— Если и ошиблась, ничего страшного. Достала меня эта ведьма старая. Бог у неё с языка не сходит, а кошку голодную накормить без скандала невозможно.

Глава 4

— Если бы хоть немного снега, был бы не город, а сказка, — заметил Рома.

Мы решили не садиться в автобус. До нашего любимого магазина, где можно купить почти всё на свете, всего две остановки. Асфальт под ногами, казалось, и правда давно забыл прикосновения снега, и только пронизывающий насквозь ветер напоминал, что сейчас зима.

— О чём так глубоко задумалась, Милена прекрасная?

— Спасибо за прекрасную!

— Кушайте на здоровье.

Мне снова вспомнился разговор с братом.

— Рома, а вот скажи честно, ты мог бы влюбиться в слепую девушку?

— Это в тебя? Не знаю, не пробовал.

— Слушай, ну я прошу, ответь серьёзно.

— А с чего вдруг?

Мы с Ромой не так часто говорим серьёзно, вот он и удивился. Смутился даже, пожалуй. Чаще наше общение — это взаимные подколы. А иногда мы играем в любимую с детства игру бури-ме. Но сейчас я решила не сдаваться без боя, потому что вопрос меня интересовал по-настоящему.

— Пожалуйста, подумай и скажи. Вот если девушка очень, очень хорошая. Всё в ней тебе нравится: и ум, и красота, и весёлая, и там сексуальная, но слепая... Ты бы мог на ней жениться?

— Это ты весёлая и сексуальная?

— Ну не ты же, Ромка, не зли меня.

— Нет, на тебе бы я не женился, и не из-за зрения, а из-за того, что мне было бы трудно спереть хороший коньяк.

— Да иди ты на фиг! — он всё-таки меня рассмешил, как и всегда. Вот и поговорили серьёзно.

— Понимаешь, мне Гриша снова мозги прочищал. Говорит, что Сергей мне не пара.

— Правильно говорит. Ты и сама это знаешь.

— Из-за зрения? Ты тоже так думаешь?

— Что значит тоже?

— Да вот, Гриша говорит, что моя слепота — один из факторов, из-за которых Сергей не может быть со мной.

Какое-то время мы шли молча. Потом он снова заговорил.

— Помнишь, я лежал в больнице с аппендицитом?

— Ну?

— Так вот, каждое утро нас будила медсестра. Давала градусники.

— Ну, это всегда в больницах.

— Помолчи, не перебивай старших.

— Ох, и сколько старших на мою голову... Ладно, молчу.

— Нас в палате было человек десять мальчишек разного возраста. Медсестра забирала градусники и записывала температуру в журнальчик. А потом каждого из нас спрашивала, сколько раз в течение дня был стул. Так получалось, что первым она спрашивала старшего, ему было лет 12. Тот от балды отвечал: два раза. Ты понимаешь, дети же не задумываются над такими вещами. Сказал и сказал. Та запишет. И спрашивает дальше по алфавиту. Все отвечали то же самое: два. Повторяя один за другим.

Я засмеялась:

— А сестра, что же, так и записывала?

— А ей по барабану. Хоть «двадцать два» каждый скажет, она занесёт в тетрадочку, а объявлять или нет карантин по дизентерии — уже дело врачей.

Потом к нам подложили мальчика, тоже большого. Он послушал утром, как все говорят, что стул был два раза в день, и когда дошла очередь до него, отвечает так возмущённо: «Один. Засранцы какие-то в палате собрались».

— Ну и что? При чем здесь Сергей?

— А при том, что люди — стадные животные. Один сказал, другой повторил, и все запели одну песню. Понимаешь, кому-то лень думать, кому-то страшновато выделить свой голос из обще-

го хора. Существует такой шаблон, что жена должна быть красивой и здоровая. У тебя по первой части всё в порядке, но по второй неувязка. Так получилось, что ты стала инвалидом. Спроси у каждого: как вы относитесь к инвалидам? Все скажут: хорошо, сочувствую им.

Но для того, чтобы создать семью, этого мало. Потому что большинство из нас испытывает боязнь перед тем, кто вызывает сочувствие. Я уверен, для твоего Серёжи мнение большинства жизненно важно. Он просто не даст себе труда задуматься, действительно ли ему будет лучше рядом с пустой куклой, которая станет проявлять к нему интерес только в день его зарплаты, но с нормальным зрением, а не с хорошей, глубокой, умной женщиной, пусть и слепой. Сергей — пижон. Для него главное, что скажут друзья и коллеги. Я видел его барышень: очаровательные мордашки, короткие юбочки, ни проблеска мысли в глазах.

— Какой ты умный, Рома. И говоришь как по писанному. Для тебя мнение большинства тоже важно? Или не очень? Вот ведь идёшь рядом со мной, не стесняешься.

— А я забыл, что нужно стесняться. Мы же с тобой подушками сражались и в угол нас вместе ставили. Так что я не в счёт.

Да, было не раз — дрались и подушками, и кулаками, а один раз я за что-то так разошлась, что расцарапала Ромке щёку. Долго не могли остановить кровь. А уж сколько раз нас в угол ставили после наших разборок! Немерено. А теперь вот друг. И всё так говорит хорошо... То же самое ведь, что и Гриша, сказал — но совсем не обидно.

Часы мы купили быстро. А ещё Рома присмотрел небольшую искусственную ёлочку себе к Новому году. А потом показал мне несколько самых разных дракончиков. Один, совершенно неподражаемый плюшевый дракоша мне так понравился, что я просто не смогла его выпустить из рук. Купила в подарок Антошке. Пусть символ года ассоциируется у моего племянника с таким чудом — нажмёшь на лапку, а он произносит тоненьким голоском: «С Новым годом».

* * *

Наш подъезд встретил нас знакомым до сентиментальных слёз ором бабы Насти.

— Ворюга! Пьяница несчастный! — крыла она своего благоверного при открытых дверях квартиры.

— Ничего в доме держать нельзя. Берегла, спрятала, нашёл, выжрал. Послышался звук падающего предмета. Наверно, нежная супруга перешла от слов к более радикальным методам воспитания.

— Удружила ты старику, — усмехнулся Рома.

— Ну и правильно, — огрызнулась я, — Как вас, мужчин, ещё воспитывать?

* * *

Вечером, когда я уже собиралась ложиться спать, зазвонил телефон. Мне было слышно, как мама ответила кому-то:

— Григория? Он здесь не живёт. В соседней квартире. Если очень нужно, я позову.

— Кто там? — стало интересно.

— Какая-то девушка с очень приятным голосом.

— Да?

Это ещё интересней.

Послышался звук открываемой входной двери. Значит, сладкоголосая собеседница настаивала, чтобы Гришу позвали.

— Да, — голос брата сладость не источал, — слушаю.

Не понял! Милену? Опять не понял. Заберу, конечно.

Через пять минут брат стоял передо мной. Не обязательно было видеть, чтобы понять его настроение... Ммммм!!! Не лучшее, мягко говоря.

— Это что за новости? Я уже спать лёг. А тут какая-то Марина. Спрашивает, в какой конкретно день я не смогу забрать тебя из школы? Она, видите ли, всегда готова помочь.

«Вот кретинка!» — обругала я саму себя мысленно. Ведь и правда, придумала глупый предлог, чтобы объяснить Вульской интерес к её маршруту. Якобы некому забрать меня из школы. Она не бывает на остановке? Я и успокоилась. А она, значит,

не забыла. Брату решила позвонить на ночь глядя. Естественно, он взбешён.

— Это Вульская, моя одноклассница.

— И что это значит? Она неадекватна?

Не могла же я сказать, что Марина всё выдумала. Это было бы подлостью.

— В общем, — пробормотала я, — я ей сказала, что ты не сможешь забрать меня из школы. Считай, это была шутка.

— Ха-ха-ха. У Милены случилось хорошее настроение. Она невинно пошутила. Брат не заберёт её после учёбы домой. Не дорвите животы от хохота, товарищи.

Гриша хлопнул дверью.

Улучшить взаимоотношения с братом сегодня явно не получилось...

* * *

Утром Гриша подвёз меня к самому уроку. Даже слегка с опозданием.

По кабинету витал голос классной, Алевтины Дмитриевны.

Голос у неё неприятный, зелёный. Причём зелень эта, если бы её видели, вызывала бы отталкивающие ассоциации.

Но человек Алевтина неплохой.

Помнится, я с ней даже говорила о своих чувствах к Серёже.

Мне в тот день было так плохо... Он пришёл к нам с новой пассией. Сыпал шутками, пел под гитару. Со мной поздоровался:

— Привет, моя волшебница!

А «волшебница» потом до утра проплакала и в школу приехала с соответствующим видом. Гриша-то понял. Молчал всю дорогу. А Алевтина Дмитриевна испугалась. Отвела в спальню, и я всё ей рассказала. А она ничего, просто гладила по руке. Дала выплакаться, высказаться. Намного легче стало.

А ту краплю Сергей больше не приводил. Наверное, это была, как сказал бы Григорий, просто очередная тёлка.

— Извините пожалуйста, можно? — я приоткрыла дверь класса.

— Заходи, Милена. Мы ещё не начали урок. Я как раз собиралась объявить, что в пятницу вам, похоже, предстоит полезное безделье.

По классу пополз заинтересованный шепоток.

В пятницу. Я напряглась.

— Нам предложили экскурсию в Пушкин, едем?

— Можно!

— Едем, конечно!

— Реально едем!

Прежде чем дать отчёт в своих действиях, я повернулась к Вульской:

— Ты поедешь?

— Не понимаю, почему бы мне не поехать? И, знаешь, Барсова, если честно, в последнее время меня несколько настораживает, даже пугает твоё поведение. Может, у тебя какие-то проблемы?

Я решила не обращать внимания на её реплику.

Но что же это? Издевается надо мной моё Знание? НЕ МОЖЕТ Вульская оказаться на остановке двадцать шестого автобуса, никак не может — по всем статьям. Откуда же, откуда, блин, я знаю, просто знаю, что если она там всё же окажется, до субботы не доживёт. А она каким-то образом там окажется. Но каким, каким, если не бывает она на той остановке, а в пятницу она там дважды не сможет оказаться, потому что едет в Пушкин? Почему бы ей не поехать, в самом деле?

* * *

На перемене мы с Наташкой прогуливались по коридору. Надоело сидеть за партой.

— Ты поедешь в Пушкин? — спросила она.

— Думаю, да. А ты?

— Ещё бы!

— Скажи, а ты про Вульскую не передумала?

Наташа спрашивала насмешливо, что говорило о её настроении «меня подцепить». И я, как часто у нас случалось, с готовностью «подцепилась».

— Да как я могу передумать? Это же не я решила, что с ней произойдёт несчастный случай. Я просто это знаю.

Мне захотелось сменить тему. Или хотя бы сделать так, чтобы разговор не закончился обменом колкостями.

— Наташ, а если бы, ну вот представь, если бы Вульская погибла, тебе было бы её жалко? Хоть немножко?

Наташка задумалась.

— Пришёл на ум случай из детства. Помнишь, я принесла в школу хомяка в маленьком аквариуме?

— Да, пушистенький такой. Я до этого и не знала, что хомячки бывают такие «шерстлявые».

— Да, сирийский хомяк, породистый.

— Тогда из нашего класса на ночь остались только я и Вульская. Она в то время домой не ездила, помнишь? А ещё из старшего класса были три девчонки. Я всем показывала хомяка, всё из аквариума доставала. Так он мне нравился. И вот один раз рукой шарю: опилки, кусочки морковки, а хомяка нет. Я как разревусь. Подумала, что он выбрался и убежал. И тут Вульская подала голос. Отдайте, говорит, Наташе хомяка. Оказывается,

девчонки из седьмого класса решили надо мной подшутить. Маринка не испугалась старшим указать, заступилась за меня. Она вся в этой истории. Всегда стоит на стороне того, что искренне считает хорошим.

— То есть, тебе её было бы жалко?

— Наверное, да. Хоть и не выношу её вообще-то.

* * *

— Ты меня достала! — орал на меня любящий брат. — Когда ты научишься обуздывать свои предсказания?

Мы сидели за обеденным столом. В кои-то веки мама оказалась дома. Гриша так эмоционально отреагировал на небольшой эпизод, который произошёл только что в лифте. Моя слабая попытка отстоять свои интересы закончилась... Как видите.

— Зачем маленькой девочке нужно говорить, чтобы она не ела в будущем так много булочек? Она, бедная, в мать вцепилась, ис-

пугалась. Да и мать, кажется, не чаяла из лифта живой выйти. Привязалась какая-то сумасшедшая с дурацкими советами.

— Да потому что я знаю, что если она будет их есть, то станет слоноподобной!

— Откуда тебе знать?

Опять двадцать пять!

— Ну что ты, мама, она знает! Она же у нас ясновидящая! Но почему не придержать свои знания при себе?..

— А я не всегда могу их «придержать», пора бы уже запомнить. Сейчас, может, и могла бы, да девочку жалко. Она будет весить килограммов сто, если поддастся слабости. Не все же такие извращенцы, как ты, — припечатала я с садистским удовольствием, — будет эта малышка, как твоя Гуся.

— Мою жену зовут Галиной! И если ты ещё раз об этом забудешь, получишь подзатыльник.

— Гуси, гуси, га-га-га! Есть хотите? Да-да-да. Так летите же сюда, булка с маслом есть всегда...

Подзатыльник я всё же получила. Правда, лёгкий и совсем не обидный.

* * *

В четверг мне хотелось, чтобы уроки пролетели побыстрей. Накануне вечером позвонил Ромка и сказал, что его мама, тётя Таня, на два дня уезжает по делам на работе. А отец уже — в долгосрочной командировке. Мы и договорились, что после школы устроим у него что-то вроде небольшого пиршества.

Ничего особенного, никакой выпивки. Просто мы любим вместе что-нибудь состряпать, а потом ужинать под бормотание почти никогда не выключаемого у Ромки радио.

Такие дни мы называли и считали только *нашими днями*. Забавно! Я так часто остаюсь дома одна, и порой что-то готовлю, но наши с Ромкой дни почему-то должны происходить только в его квартире. Именно там создаётся атмосфера уюта и маленького праздника на двоих...

Ромка готовить совершенно не умеет. Тем больше его страсть к экспериментам за кухонной плитой.

* * *

Первым уроком была история. Меня спросили — я бодро ответила и получила заслуженную пятёрку. По истории у меня, в общем-то, других оценок и не бывает. Звонок на перемену стал сигналом, что до вечернего веселья осталось всего пять уроков.

Вообще я не люблю чего-то ждать. Ожидание выматывает меня физически, лишает сил. Даже ожидание такой обыденной радости, как ужин с соседом.

— Что ты завтра наденешь на экскурсию? — спросила Наташа, когда мы вышли из класса. — Хотя ты ведь у нас одеждой не озабочена...

— Точно. Об этой ерунде я и не думала. Как всегда, наверное, джинсы.

— А я недавно костюмчик купила. Средней длины юбка, тут вот — пряжка, как у большого пояса. Но тебе это, наверное, пофиг.

— Нет, почему? — возразила я, впрочем, неубедительно. — Так ты завтра хочешь надеть этот костюм?

— Ну да. Родик тоже едет в Пушкин. Я боялась, что он передумает. Знаешь же, ему, как всегда, ничего не интересно. Звонила вчера специально. Но нет — едет. А у тебя что нового? Видений больше не было?

— Не было. — Про историю в лифте я решила промолчать. — Сегодня вечером с Ромкой собираемся встретиться.

— Ого! Сергей, значит, забыт?

— Да нет, ты что? Это же Ромка. Ты меня неправильно поняла.

— Ну-ну. Просто нормальные люди, когда говорят, что собираются провести вечер с парнем, имеют в виду ещё кое-что.

— Так это же Ромка, он не парень, а друг, сосед.

— Бедный Ромка, — хмыкнула Наташа. — Раз он друг и сосед, значит, уже не парень.

— Я имею в виду — для меня. Ты как с Луны свалилась, Наташка.

— Я просто не верю в искреннюю дружбу между девушкой и парнем. Всегда должно быть что-то большее или что-то меньшее.

Философские рассуждения подружки прервал звонок на урок. Русский язык.

Скучно, не обожаю. Но всё же не математика.

Последним уроком была физика. Материал я знала — меня давно не спрашивали, поэтому учила тщательно. Ждала, что на этот раз спросят точно. Однако к доске сперва вызвали Родиона, потом — Наташку. А дальше пошли разъяснения учителя. Я слушала вполуха. Почему-то только сейчас задумалась над словами Наташи. Или что-то большее или что-то меньшее. Ну и что у нас с Ромой, исходя из этой теории? Что-то большее подразумевает любовь. Значит, меньшее. Надо будет с Ромкой как следует вечером обмозговать. Ну, вот и долгожданный звонок.

Зашла классная, проинструктировала по поводу завтрашней поездки.

Я собрала тетрадки в сумку.

— Пойду, — сказала Наташе, — Гриша, наверное, уже приехал.

— Ну давай, привет братцу!

— Обязательно.

Я уже закрывала дверь класса, когда услышала поющий голос Вульской:

— Алевтина Дмитриевна, я хочу предупредить. Я завтра на экскурсию не еду. У меня важная встреча с преподавателем из консерватории. Завтра он будет меня ждать на Площади Восстания. Так что я после второго урока останусь в школе. В половине шестого мне надо быть на остановке двадцать шестого автобуса.

Глава 5

— Что случилось, Милена? Ты прямо в лицо изменилась, — обратилась ко мне Алевтина Дмитриевна.

А меня и правда как током ударило. Вот вам и убежала от судьбы. Убежишь от неё, как же!

— Мне показалось, за окном сигналит машина, скорей всего, тебя брат ждёт.

— Да-да, Алевтина Дмитриевна, я уйду. До свидания.

Я вышла из школы, мало что соображая.

Гриша говорил что-то весёлое. Я обожаю, когда у брата такое настроение. В другой день я заливалась бы хохотом, но сейчас мне было не до того.

— Тебя что, уронили? — не выдержал, наконец, Гриша.

— Да просто задумалась... Меня почему-то физичка давно не спрашивает. Оценок за четверть получается совсем мало.

— Мне бы твои проблемы... — протянул брат. — Мне вон Галка всю плешь проела, что у меня зарплата маленькая, рожу я ей большую...

«А мне бы твои, — подумала я. — Галке этой сколько ни дай... И так каждый год на море ездят. И всё недовольна. Гуся — она Гуся и есть».

* * *

— Что у нас на повестке?

— Лазанья, как и договорились.

— А молоко зачем принесла?

— Ромка, ну я же сто двадцать три раза объяснила, что для лазаньи нужен соус «Бешамель», а его без молока не делают.

— Да мы же покупали соус.

Вот смеяться или плакать?

— Мы купили соус «Болоньезе», а это «Бешамель». Его я сейчас приготовлю. Всё, отстань от меня. Сделай пока фарш.

— Слушаюсь, моя госпожа.

Несмотря на то, что Ромка больше мешал, чем помогал, лазанья вышла вполне приличная.

Мы сидели в Роминой комнате, уплетая её за обе щёки.

— В буриме?

— Давай.

Без буриме не проходил ни один наш вечер. Мы любили эту игру с детства. Любили за то, что в процессе составления рифмованных строк даже бездари, каковыми мы, собственно, и являемся, чувствуют себя настоящими поэтами. А иногда получается ещё и смешно. А уж посмеяться мы оба не дураки!

Я предложила Ромке две первые пары слов:

Бочка — точка,

дуб — зуб.

— Примитивно, — хмыкнул Ромка.

— Ну?

Он немного подумал.

— Водой дождевой уж наполнилась бочка,

А, значит, на лете поставлена точка.

Под ветром осенним скрипит старый дуб,

Как будто болит у несчастного зуб.

— А что, класс! — искренне восхитилась я. — Теперь ты.

— Что бы тебе такого потрудней?

Петербург — драматург,

заноза — угроза.

— Изверг. Ладно, дай попробую.

Честно говоря, ничего в голову не приходило.

Но потом всё-таки выскочило:

Приехал как-то драматург

на отдых в зимний Петербург.

В душе его была заноза,

всем пьесам будущим угроза.

— Какая угроза? — рассмеялся Рома.
 — Ещё не придумала.
 — Освистал кто-нибудь, теперь комплексует, писать не может. Ладно, будем считать, что первый раунд ты проиграла.
 — Почему это?
 — Ещё не придумал. Давай пару.
 Я задумалась. Хотелось, чтобы парные слова были далеки друг от друга по смыслу.
*Морковка — остановка,
 картина — машина.*
 Ромка отреагировал довольно быстро.
 — Купил я однажды дешёвой морковки.
 Купил и шагаю себе к остановке.
 А там предо мною такая картина:
 стоит с продырявленной шиной машина.
 Я вздрогнула.
 — Ты что, — удивился сосед. Вообще, знаешь, Милена, ты сегодня нервная какая-то. У тебя всё о'кей?
 — Рома, — вместо ответа заговорила я. — Вот, скажи. Есть человек, которого ты не любишь. Просто на дух не переносишь.
 Ромка издал протестующий возглас. Но я сделала вид, что не заметила.
 — И вот ты узнаешь, что этот человек в смертельной опасности, а спасти его может только твоё вмешательство.
 — Ты кого-то можешь спасти, кого очень не любишь? Эту вашу Вульскую, что ли?
 — Ты бы вмешался? — я снова не ответила, хотя в душе поразились пронизательности приятеля.
 Он не думал ни секунды.
 — Стал бы, да. Потому что если я кого-то не люблю, это не лишает его права на жизнь. Кроме того, бывают очень противные личности, но для кого-то дороже их нет. Да и вообще, человек уникален сам по себе, любят его или нет.
 Ромка немного помолчал:
 — Расскажи всё-таки, что у тебя случилось.
 — Я расскажу тебе, Рома, но не сегодня. Завтра, хорошо?

* * *

Я не люблю врать. После каждой произнесённой лжи почти физически ощущаю во рту отвратительное послевкусие, как будто надкусила гнилой фрукт.

Со вчерашнего дня вкус лжи не оставлял меня. Грише я не сказала, что не поеду в Пушкин, а потом и учительнице наврала с три короба. Дескать, брат не может ждать, когда я вернусь с экскурсии. Ему необходимо забрать меня как обычно. Как я буду потом объяснять своё пребывание в школе, я не знала. Да и не думала об этом. Всё, что мне было нужно, — не пустить Вульскую на остановку двадцать шестого автобуса.

Под каким предлогом я это сделаю, было абсолютно не ясно.

— Очень жаль, — сказала Алевтина Дмитриевна. — Думаю, тебе бы понравилась поездка, Милена. Ты человек творческий. А в Пушкине даже воздух особенный.

После второго урока ребята засобирались. Было объявлено о прибытии экскурсионного автобуса.

— Девочки, — окликнула Алевтина Дмитриевна, — Марина и Милена, кто позже уходит домой? Кому оставить ключи от класса?

Ключи... Можно же просто-напросто в нужный момент запереть глупую Вульскую в классе, вот и всё.

— Ключи оставьте мне, пожалуйста, — я сама удивилась, с каким умоляющим тоном прозвучали мои слова.

— Ну что ты говоришь, Барсова? Если брат приедет за тобой в обычное время, зачем тебе ключи? Давайте, Алевтина Дмитриевна.

— Хорошо, Марина, когда будешь уходить, оставь на вахте.

— Мне очень, очень странно, что ты не едешь, — шепнула Наташка. — Это не с предсказательством связано?

— Нет, — ответила я резко, реагируя на дурацкое словечко «предсказательство».

— Ты же так хотела, странно...

Я не ответила, да и какой смысл. Что я могла сказать? «Буду думать, как не дать Вульской умереть?»

В тот момент я почувствовала отвращение и к расспросам Наташи, потому что не могла ответить адекватно, и к самой себе, к своему — не в обиду будь сказано — Дару. Но главное, к мерзкой Вульской за то, что нельзя просто сказать: «Не ходи. Нельзя». Не поверит, ёлки-палки. Напоёт что-нибудь нравуучительное.

Класс опустел. Мы с Вульской остались вдвоём.

Ну и что дальше?

— Марина, ты во сколько из школы выходишь?

— Тебя в это время здесь уже не будет. Где-то в половине шестого, а что?

«Да буду я, буду, — мысленно возразила я, — буду защищать твою бесценную задницу. Только не представляю как».

— Просто спрашиваю.

Я поднялась из-за парты и пошла в библиотеку. Всё равно пока милая Мариночка никуда не денется.

Библиотека находилась на том же этаже. Я подошла к знакомой двери, открыла.

— Милена, — послышался приветливый золотистый голосок Тамары Аркадьевны, нашей библиотекарши, — а почему ты не на уроке?

— У нас сейчас нет уроков. Ребята уехали на экскурсию. А меня брат не может поздно забрать. Вот я и осталась. Хочу почитать пока. Посоветуйте что-нибудь интересенькое.

— Да ты уже всё, кажется, перечитала. Ты у нас одна из самых ярых книголюбов!

— Ну тогда что-нибудь из классики. Её можно без конца перечитывать.

— Тамара Аркадьевна, физкульт-привет!

Вместе с ветерком резко распахнувшейся двери в библиотеку ворвался красивый голос. Не сразу узнала, но потом вспомнила, что это Дима Ветров из параллельного класса.

— Дима, ты меня приятно удивляешь. Неужели тоже решил пообщаться к миру чтения?

Тамара Аркадьевна улыбалась.

— Может, тебе тоже предложить что-нибудь из классики?

— Не, классика мне влом, — затараторил парень. — На следующей неделе городская олимпиада по математике. Я участвую. Есть какие-нибудь задачки математические? Хочу потренироваться.

— Ах да, ты же у нас непревзойдённый математик!

— Вот как раз и превзойдённый. От нашей школы ещё Мари-на Вульская будет.

— По Брайлю такой литературы не так много. Но, кажется, что-то есть, сейчас посмотрю.

— И мне посмотрите что-нибудь по задачкам, — попросила я.

— А ты разве тоже увлекаешься? — явно удивилась библиотекарша.

— Никогда не поздно начать.

Я вошла в класс, небрежно бросив на парту своё приобретение. Математические задачки и головоломки.

Для отпечатанной рельефным шрифтом книжка оказалась довольно тоненькой. Открывалась с сопротивлением, что указывало на отсутствие спроса.

Я услышала почти такое же шуршание со стороны Вульской. Тоже что-то читает. Она, значит, в олимпиаде по математике участвовать собирается. Ну да, было бы странно, если бы не собиралась. Я открыла учебник. Попробовала читать задачки. Неожиданно увлеклась.

Одна из задач показалась особенно интересной, но решение никак не давалось. Настоящая головоломка. Я отложила книжку.

Решила пройтись по коридорам школы, а там уже и время обеда. На тот счёт, что делать с Мариной, как её остановить, мозги были по-прежнему девственно чисты.

Стоило ли тогда оставаться?

Но всё казалось, что меня должно осенить в последний момент.

После обеда я подошла к двери нашего класса. Она оказалась заперта.

Значит, Вульская с ключом где-то ходит. Или ещё в столовой? Ладно, подожду.

Через минуту послышался цокот каблучков. Не запылилась моя радость.

— Давно ждёшь, Барсова?

— Давно.

— Извини, я с Димой Ветровым говорила об олимпиаде.

«Вот и ладно. Главное, пришла», — подумала я.

Между тем время шло.

— За тобой так и не приехали, ты не беспокоись? — задала Вульская вполне логичный вопрос, когда было около пяти.

Я беспокоилась, но совсем по другому поводу.

— Гриша занятой человек. Мало ли, на работе задерживают.

— Можно у ребят попросить телефон. У Ани из девятого, кажется, есть мобильник. Хотя нет, она ведь тоже в Пушкине.

Я промолчала.

— Ну, я буду собираться.

— Марина, слушай. Я хотела спросить тебя насчёт участия в олимпиаде.

— Олимпиаде? Ты же ничего не понимаешь в математике.

— Я всё понимаю в математике.

Мне стало обидно. Я же хорошо учусь. Другое дело, что не люблю математику.

— Ну, я решила попробовать.

— Тебя не допустят. Надо было раньше.

— Ладно, и пусть. Но вот я увлеклась решением головоломок и задач. Ты не могла бы мне помочь с одной из них? Что-то она мне не поддаётся...

— Завтра мне покажи. Я подумаю. А сегодня некогда. Преподаватель сказал, что может уделить мне совсем немного времени. Мне нельзя опаздывать.

— Да это дело одной минуты, я уверена. — Я сама не понимала, на что надеюсь. Всё равно ведь она уйдёт. — Меня очень заинтересовала задачка.

Я судорожно листала книжку в поисках головоломки, на которой остановилась.

Пальцы бегали по рельефным точкам. Не то, не то. Вот!

— Мариша, пожалуйста, взгляни. — Меня слегка передёрнуло от этого «Мариша». В конце-то концов, для кого я стараюсь? Для неё же. — Ты же первоклассный математик, тебе на один укус, а я не засну всю ночь, если не узнаю, как она решается.

Вот и лесть пошла в ход.

Вульская взяла книгу, склонилась над страницей. Те, у кого остаток зрения сохранился, обычно даже брайлевский текст пытаются читать глазами, хотя наши учителя это и не приветствуют. Зрение портится ещё больше. Но слабовидящие тем не менее предпочитают по мере возможности получать информацию именно визуально. Пожалуй, я могу их понять.

— Да, задачка интересная, — задумчиво проговорила Вульская.

По интонации её голоса я почувствовала, что она погрузилась в решение полностью. Мысленно погладила себя по голове.

— Можешь решить?

— Попробую.

Вульская пододвинула стул.

Я затаила дыхание. Пусть решает, пусть. Опоздает на встречу, а преподаватель долго ждать не станет. Ей и ехать не будет смысла. Что бы там ни случилось на остановке, это случится без Вульской.

— Ответ вертится совсем близко, — пробормотала Марина. Сейчас, сейчас...

«Да я не спешу, — хотелось мне сказать. — Решай хоть до послезавтра».

— Девочки, а вы почему не на экскурсии?

Я взвыла внутри.

Голос принадлежал нашей математичке, Вере Андреевне.

— Ох, Барсова. Что ты мне мозги пудришь. У меня же встреча! Вульская опомнилась. Вскочила.

— Вера Андреевна, объясните, пожалуйста, Барсовой решение задачки, а мне нужно бежать.

— Задачки? Ты разве интересуешься математикой? Я и не знала, — удивилась Вера Андреевна. И далось им моё увлечение математикой.

— Я в последнее время стала интересоваться, — пробормотала я, хотя дурацкая задача меня уже нисколько не волновала.

— Тогда, Милена, давай завтра, хорошо? Мне сейчас некогда. Я и зашла только потому, что увидела приоткрытую дверь и удивилась.

— Хорошо. Давайте завтра, конечно.

Учительница ушла.

— Ну, Барсова, из-за тебя я чуть не опоздала.

По звуку я поняла, что Вульская поспешно укладывает вещи в сумку.

— Время уже... ой... пять пятнадцать. Придётся бежать.

— Ключ мне оставь.

— Ах да, ключ.

Вульская подошла, вложила мне в ладонь небольшой ключик.

— Надо же, как брат твой задерживается...

Какое ей дело до моего брата. Лучше бы о себе побеспокоилась. Ведь жить ей оставалось меньше часа... Чуть не опоздала она, видите ли!

Каблучки Вульской застучали в другом конце класса, там, где была вешалка. Оденется, пойдёт на остановку и погибнет. Я не знала, изменит ли это хоть что-то, но неожиданно приняла решение.

Выскочила из класса и заперла дверь.

Как хорошо, что старшеклассники на экскурсии. Если Мариночка будет звать на помощь или стучать, её вряд ли кто-то услышит.

— Барсова, ты с ума сошла? Открой дверь, — раздался голос Вульской.

Отвечать я, конечно, не стала. Да и выслушивать её толку не было. Я бесцельно пошла по коридору.

Всё. Когда я её выпущу, ей не будет смысла идти на остановку двадцать шестого автобуса. Я не знаю, что будет завтра, когда вся школа узнает, что по вине Барсовой Вульская опоздала на важную встречу, но, по большому счёту, мне это было не так важно. Я сделала то, что должна была сделать.

* * *

На наш третий этаж я вернулась ровно в шесть. В коридоре стояла мёртвая тишина.

На миг я испугалась, что Вульскую всё-таки выпустили из класса. Мало ли, забрёл кто-то из учителей на опустевший этаж. Услышал стук. А взять запасной ключ у вахтёрши — пара пустяков.

Я отперла дверь.

Сначала ничего не услышала. Потом до меня донеслись звуки... Звуки плача.

— Марина!

— Ты дура, кретинка, идиотка, — обрушился на меня шквал «комплиментов», впрочем, вполне ожидаемый.

— Привет! Вы уже здесь? А я как раз еду, думаю, вернулись с экскурсии или нет? А кто здесь идиотка?

— Гриша! Гриша! — У меня было чувство, что брат вырвал меня из муравейника.

— Григорий, — залепетала Вульская. — Милена нечаянно заперла меня в классе. Я понимаю, что она не нарочно. Но у меня была назначена важная встреча на Площади Восстания.

— Во сколько?

— В шесть тридцать. Ровно в шесть я должна была быть на остановке...

— Так поехали. Я подброшу до Площади Восстания. Сто раз ещё успеем!

* * *

На следующий день, когда я приехала в школу, первым человеком, кто ко мне подошёл, была Вульская.

— Милена! Я так благодарна тебе и Григорию за то, что подвезли меня. С преподавателем я встретила. Всё в порядке.

— Я рада за тебя.

Сказала без всякой искренности. Я не испытывала никаких эмоций по этому поводу. Только облегчение от того, что всё закончилось благополучно.

— Спасибо, Милена.

— Да ладно. Встретилась — и хорошо.

— Это была важная встреча. От неё зависит моё поступление в Консерваторию. Всё прошло великолепно!

— Вот и прекрасно.

Я поставила на стол сумку, собираясь достать тетради с домашним заданием.

— Милена, спасибо.

— Проехали. Я поняла. Важная встреча и всё такое. Не за что.

— Я на тебя накричала вчера... Ты заперла меня. Я не успевала на остановку, — она замолчала. — А ты... Ты мне жизнь спасла.

— Что?!

— Ты не слушала новости? Ровно в шесть на неё вылетел грузовик. Шофёр пьяный. Я... Ну не знаю, просто чувствую, что если бы там оказалась, погибла бы...

Я слушала Вульскую и удивлялась. Сомнительно, что у неё есть какие-то *особые* способности. Просто она очень умная. И вот ведь — всё поняла.

Глава 6

Ничего не скажешь, готовит Гуся хорошо. Но и мы с мамой хотели порадовать нашего дорогого именинника его любимым салатом. Любимый салат Гриши включает в себя целую грудку ингредиентов: чернослив, грецкие орехи, курица, свежий огурчик, маринованные грибы. И мы трудились над блюдом вдвоём...

— Рома зайдёт поздравить Гришу? — спросила мама.

— Да, собирался. Гриша его и пригласил. Ромка мне сам сказал.

— Что ещё за Ромка?

Так, понятно. Начинается. Мама принялась меня воспитывать на пустом месте. Верный признак, что она нервничает. Такое с ней по праздникам часто. А чего, спрашивается? Ну, гости, ну и что? По мне так, чем чаще праздники и чем больше гостей, — тем лучше. И совершенно нечего волноваться. Впрочем, чья бы корова мычала... Как сказала бы моя подруга Наташка.

Сама я тоже взвинчена с утра. Разумеется, из-за Сергея. Один он придёт на праздник или с очередной куклой? Знали бы вы, какая это мука, когда он приходит не один. Восьмого марта зашёл поздравить нас с мамой. Думала, умру от счастья. Всё-таки Восьмое марта — женский праздник. Он пришёл поздравлять меня как женщину. А потом... как холодной водой: «Познакомьтесь, это Анечка». И Анечке: «Это Милена, самая большая любовь моей жизни». Анечка захихикала. Как же не хихикать! Великая любовь его жизни — слепая соплюха. Обхохочешься, верно?

Уж и не помню, как дождалась момента, когда можно будет уйти в свою комнату. Когда дождалась, ушла, не удержавшись, хлопнула дверь, за что потом мама своим не приспособленным к ругани жёлтым голосочком меня отчитала: «К гостям надо относиться с уважением».

В общем, сейчас я гадала, даже призывая ненавистное Знание, один придёт Сергей или не один? Знание, конечно, не подчинялось.

* * *

— Мам, ну как я?

Да, в обычные дни внешность меня не очень-то и волнует, но дни, когда я жду встречи с Сергеем, само собой, не могут считаться обычными. Правда, как правило, когда я хочу узнать, как выгляжу, — спрашиваю у Гриши. Он подколет, не без этого, но ответит честно. Ещё есть Ромка, к которому можно прийти всегда и за любым советом. Но сегодня он на какой-то дополнительной лекции. Брата поздравить придёт, но позже.

Вот и спросила у мамы, когда мы выходили из квартиры. Спросила, хотя знала заранее, что ничего дельного она не скажет.

— Ты красавица, Милена.

Вот, я же говорю. Ну ладно. Так и запишем: сегодня Милена красавица.

* * *

Дверь открыла Гуся.

— Гришки ещё нет, хотя обещал прийти пораньше. Наверное, не вышло. Скоро будет!

— Ничего, подождём.

— А где Антоша? — спросила я. Ответ не замедлил явиться в виде обхвативших меня за пояс маленьких ручек.

— Я здесь!

— Антошка!

Я почувствовала, как становлюсь меньше ростом, а внутри меня как будто начинает что-то светиться. Мне хотелось подхватить, закружить, расцеловать Антошку, как я делала сотни раз, когда он был совсем малышом. Но, памятуя, как сама в детстве стеснялась излишней нежности со стороны взрослых, старалась щадить чувства племянника. Лишь один раз быстро и крепко прижала к себе, после чего мы поздоровались по уже установившейся между нами традиции за руку:

— Ну, здравствуй! Здравствуй, лучший друг!

— Иди сюда. Покажу тебе свой домик.

Племянник втащил меня за руку в свою комнату. Мне очень нравилось бывать в этом мире роботов, машинок и кубиков.

«Домик» напоминал палатку. Антошка помещался в нём целиком.

— Иди ко мне в гости.

Но «в гости» смогли проникнуть только мои голова и плечи. Зато уж их встретили с распростёртыми объятиями.

— Здесь живёт заяц. Смотри!

Одним словом, когда пришёл Гриша, я была не в самой парадной форме. Платье измялось, причёска после визита в домик зайца превратилась в нечто висящее и растрёпанное.

— О! — воскликнул именинник, когда я выскочила из комнаты, услышав его голос. — Сестрёнка помолодела лет на десять.

Я повисла у брата на шее.

— С днём рождения!

Мы отнимали Гришу друг у друга. Мама, Гуся, Антошка.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — говорил брат во все стороны.

— Папа, посмотри сперва мой подарок. Это я машину нарисовал. Таковую, как наша. Похожа?

— Вылитая. Спасибо, сын! Часы! Мама, Милена, я мечтал о таких.

— Пойдёмте в комнату, — спохватилась Гуся. — Скоро гости придут. Миленочка, рыбка, причешишь.

* * *

Невестка расстаралась на славу. Стол получился хоть куда. Были и салатики, и нарезки: колбаска, ветчинка, рыбка, несколько видов охлаждающих напитков и рекой — горячительные, на которые я, собственно, налегала с большим усердием. Благо, мама, поздравив ещё раз Гришу, ушла домой, «дабы не мешать молодёжи развлекаться», — как она сказала. Мама, правда, сделала попытку увести и доченьку, но брат с Сергеем меня отстояли. Сама же я сказала, что хочу дождаться Рому.

И вот я без материнского контроля с удовольствием пила всё, что мне наливали, — а наливали щедро, весело, как всем. Один раз Гуся, впрочем, склонилась ко мне и шепнула на ухо: «Не пейся, зайчик». Но «зайчик» сегодня решил именно выпиться.

Впервые.

Вот так-то.

* * *

Гостей было немного. Две Гришины одноклассницы, они же давние приятельницы Гуси. Гусин старший брат с женой и Сергей.

Когда пришёл Серёжа, я обмерла, прислушиваясь. Вот-вот прозвучит его бесконечно дорогой голос: «Знакомьтесь, это...» Не прозвучало. Ура! Ура!

Зато прозвучал характерный звук — такой издаёт гитара, когда её кладут или вешают. Сергей будет петь под гитару. А значит, буду и я. При всём моём поверхностном знакомстве с ней, гитара — это то, что объединяет нас с Серёжей, пусть ненадолго, но когда мы поём одну песню — это как птицу поднимают два крыла. С одним бы она не взлетела.

— Милена! — Сергей подошёл ко мне, — ты сегодня прямо блистаешь.

И я даже не стала ломать голову, шутит или нет. Просто поверила. В тот момент я была даже не на седьмом, а где-то на двадцать четвёртом небе от восторга.

Откуда и сверзилась, быстро и болезненно.

— А это кто у нас? — заговорил Сергей, обращаясь к гостям, точнее к тем самым одноклассницам-приятельницам. — Никак Олечка и Катюша? Принцессы! Кто бы мог подумать!

«Принцессы» защебетали что-то кокетливо-приветственное, отвечая на любезность. А мне стало плохо. Знание. Сергей пришёл один. Но уйдёт с этой самой Катюшей. И уйдёт не просто проводить до остановки.

* * *

Сперва я пила шампанское. Потом не отказалась от вина, и ещё от вина, и ещё. Потом кто-то сунул рюмку с водкой. И я опять не отказалась. Гори оно всё! Тогда-то Гуся и склонилась ко мне с увещанием. Но я только отмахнулась. Да ладно тебе!

— Милена, мечта моя, что будем петь?

Сергей взял гитару. Задвигались стулья. Он подсел ближе.

У меня кружилась голова, комната кренилась вбок, и как же мне нравилось это совершенно новое для меня состояние полной бесшабашности!

— Давай «Атлантов», Серёжа.

У Сергея есть необычная способность. Стоит ему запеть: «Если друг оказался вдруг» — не каждый отличит от Высоцкого. Так же и с Цоем, и с Митяевым. А сейчас мы слышали голос Александра Городницкого:

*Когда на сердце тяжесть
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди,
Где без питья и хлеба,
Забывшие в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.
Атланты держат небо
На каменных руках.*

Я начала подпевать, сперва тихо, потом всё уверенней и громче. Закончили песню мы полноценным дуэтом:

*И жить ещё надежде
До той поры, пока
Атланты небо держат
На каменных руках.*

— Теперь твой выход, красавица.

Сергей вложил гитару мне в руки.

— Спой «Маленький плот», у тебя здорово получается!

— Но мне в конце никак не взять барре. Не могу все струны прижать...

— Играй как получится.

Ну и, как обычно, первые аккорды, первые слова песни — смущение, мысль — как я выгляжу со стороны?

*На маленьком плоту
Сквозь бури, дождь и грозы,*

*Взяв только сны и грёзы,
И детскую мечту...*

Сознание уже не следит за движением рук: левая берёт аккорды, правая наигрывает простой, но красивый бой автоматически, слова выпеваются как будто мои и обо мне, девчонке с затерянного в большом океане крошечного острова:

*Я не от тех бегу,
Кто беды мне пророчит,
Им и сытней и проще
На твёрдом берегу.
Им не дано понять,
Что вдруг со мною стало,
Что вдаль меня позвало,
Успокоит что меня.*

Мне стали подпевать, а красивой, проникновенней всех, голосом уже Юрия Лозы подхватил песню Сергей. Счастье, просто счастье в чистом виде! И мы допели вместе:

*Мой маленький плот,
Свитый из песен и слов,
Всем моим бедам назло
Вовсе не так уж плох.*

Потом опять были тосты.

Гости увлеклись школьными воспоминаниями.

— Помните, в седьмом классе, — говорила Катя, — немка рассказывала стихотворение, в котором мелькнуло сочетание «истдох»? А Гришка с Димкой Кравцовым трепался...

— Помню, — перебил со смехом брат, — она меня спрашивает: «О чём речь в стихотворении, Барсов?». Отвечаю: какой-то бедолага издох.

Раздался смех.

— А я, — подхватила Катя, — на следующий день не могла стихотворение сдать. Как дойду до этого «истдох», загибаюсь от смеха.

— Точно! В конце концов, она тебя выпроводила: «Выйди из класса, Лаврентьева!».

Гриша здорово изменил голос, наверное, похоже подражая их немке — и застолье снова разразилось хохотом.

Мне тоже стало неимоверно весело.

— Вот ты какой, оказывается, был в детстве. А туда же, подрастающее поколение воспитывать! — я кричала, язык заплетался, но мне было хорошо и решительно на всё наплевать.

— Подрастающее поколение, кажется, перестаралось с возлияниями, — шепнул мне брат.

От дальнейших поучений спасла Катя, предложив всем потанцевать.

— Правильно, танцуем! — я вскочила на ноги. — Сергей, я тебя приглашаю!

— Кто-то включил музыку. Я очутилась в объятиях Серёжи. Музыка была быстрая, совершенно не предназначенная для танцев парами. Я чувствовала, что вишу в руках партнёра мешком, но мне это было по барабану. В какой-то момент я споткнулась, едва устояла на ногах. Всё же алкоголь действовал на мой непривыкший к нему организм со всей активностью.

Снова зазвучал голосок Гуси:

— Лапочка, Миленочка, пойдём, я тебя спать уложу. Ты совсем пьяненькая. Антоша ушёл к бабушке, а ты в его комнате переночуй.

— Ты меня уложишь спать, Серёжа?

Краем сознания я понимала, что говорю вещи, от которых завтра буду сгорать со стыда, но тогда была готова поверить, что завтра никогда не наступит.

Я снова споткнулась. Сергей подхватил меня на руки. Понёс.

— Вот сюда, в Антошкину комнату, — подсказывала Гуся, которую я слышала как сквозь поролоновую завесу. Но даже своим сильно затуманенным сознанием мне хотелось продлить этот миг, изо всех сил надышаться этой смесью запахов: удивительно

приятным ароматом мужского парфюма, запахом хороших сигарет и чем-то ещё, чем-то необычайно, до сумасшествия волнующим. Мне хотелось впитать каждой клеточкой тела и этот аромат, и тепло рук Сергея, и собственное ощущение себя: я — Женщина, а человек, в чьих объятиях я парю, — мой любимый Мужчина. А он нёс меня так, как будто я невесома. Мне казалось, он не напрягает ни одной мышцы. И это было так прекрасно, так волшебно. Сергей опустил меня на кровать.

— Ложись, — сказал мой любимый. — Тебе надо поспать.

— Вот подушечка, золотце, — хлопотала Гуся.

Чьи-то руки набросили на меня одеяло. Серёжа, наверно, уже вышел.

— Серёжа! — позвала я.

— Я здесь, — его голос прозвучал совсем близко. Его пальцы коснулись моих волос.

— Серёжа, я хочу сказать.

— Завтра скажешь, Миленочка, завтра. Мальчики, дайте ей отдохнуть.

— Нет, я хочу сказать Серёже.

Рука Сергея покинула мои волосы, и я почувствовала, как он садится на край кровати.

Я протянула руку, нашла его большую ладонь. Пальцы. Длинные, красивые, с плотными мозолями от струн. Очень мужские пальцы.

— Что ты хотела сказать, Милена? — Сергей говорил не как всегда. Никакой дурашливости в интонации. Только нежность и, кажется, сочувствие.

Я сжала его руку. Он ответил, совсем чуть-чуть.

— Пусть все выйдут, — попросила я.

— Милена, тебе действительно лучше сейчас поспать, — раздался строгий голос брата.

— Сергей, пойдём. Пусть она утомится. Поговорите на трезвую голову, если захочет, в чём я сильно сомневаюсь.

— Ну давай, спи. Гришка прав. Поговорим потом.

Сергей мягко высвободил свою руку из моей и поднялся.

А мне сразу стало очень грустно и так одиноко.

А ещё обидно. И почему они вмешиваются? Он бы не ушёл, если бы не Гриша.

— Я трезвая, — не очень твёрдым голосом проговорила я, — спать не хочу. А хотела сказать Сергею наедине. Но если вы отказываетесь выйти, скажу при всех.

И — как в воду нырнула, ледяную. А может, наоборот, в крутой кипяток.

— Сергей, я люблю тебя. Ты пока во мне видишь только маленькую слепую девочку, младшую, не очень умную сестрёнку друга, но когда-нибудь, через пять лет, через десять, узнаешь меня лучше и полюбишь. Мы поженимся, мы будем очень, очень счастливы. У нас будет четверо детей. Мы будем заряжать своим счастьем и любовью всех вокруг, мы сделаем мир лучше. Намного лучше. Я знаю, знаю, знаю.

Я уже ничего не соображала. Голова сильно закружилась, из глаз покатались слёзы. Последнее, что я услышала, были слова Григория:

— Она знает. Ну, значит, действительно, поженитесь. Не тусуйся, Серёга, поставим тебе памятник. Человечество тебя не забудет.

Глава 7

— Какая дура! Ой, какая дура, — рыдала я, сидя на кухне в квартире Ромки.

— Ничего страшного. Подумаешь, натрескалась. С кем не бывает.

— Рома, я же ему в любви признавалась при всех. Законченная идиотка. Что Гриша скажет, когда с работы придёт?..

От этой мысли стало ещё хуже.

Ромка всё-таки настоящий друг. Когда он пришёл вчера поздравить брата и узнал, что я сплю в невменяемом состоянии, по словам Гриши, ни о чём спрашивать не стал. Быстро распрощался. Зато утром, когда я с железобетонной головой и гудящими мозгами — чудо, что они вообще уцелели — хотела пройти в свою квартиру, перехватил меня и привёл к себе. Как будто нарочно ждал. И, похоже, именно нарочно и именно ждал.

— Пойдём ко мне, пьянчужка. Я сегодня свободен.

— Почему не в университете?

— Так. У нас одна лекция, решил прогулять.

Мне показалось, что он это сделал ради меня. Зря старался. Я всё равно сейчас не в состоянии быть интересной собеседницей. Я хотела отказаться и пойти домой, но Рома, ухватив меня под локоть, отменяя все возражения, буквально впихнул меня в свою квартиру и закрыл дверь.

Так я и оказалась у него на кухне.

— Сиди, я чай сделаю. Или кофе?

— Ничего не хочу. Ничего. Что я натворила, Ромка! Ой! Голова болит!

— Ничего, пройдёт.

— Если бы ты слышал, что я наговорила...

— Не слышал, рассказывай.

Я ревела в три ручья и рассказывала, рассказывала и снова ревела. Голова гудела ужасно, но на душе становилось легче.

— Ну и что такого? Америку открыла? Что, твой брат или Галина не знали, что ты в сторону Сергея неровно дышишь? И Сергей знал.

— Всё равно. Гриша меня убьёт. А Сергей меня вообще никогда в жизни видеть не захочет.

— Знаешь что, Милена, ты давай приходи в себя и пойдём гулять, а? На улице снег идёт. Подышим предновогодним городом.

— Ты настоящий друг, Рома, я тебя обожаю.

— Это в тебе ещё вчерашний коктейль не выветрился?

— Нет, правда. Ты очень хороший.

После кофе с бутербродами мне стало немного лучше.

Я пошла к себе. Приняла душ, вошла в любимые джинсы. Стала расчёсывать волосы. Этот процесс действует на меня умиротворяюще.

Да, Ромка — чудо что за человек! Вот Грише лучше на глаза теперь не попадаться. А Сергею... Ему — тем более, иначе я просто сгорю со стыда. И вот ещё что. Никогда, никогда больше не буду пить ничего крепче сухого вина, да и того — один бокал.

На этих благих намерениях меня застали два коротких звонка в дверь.

* * *

— Представляешь, в какое время нам посчастливилось жить? Встречать двухтысячный год!

Я шла и наслаждалась и лёгким морозцем, и прикосновением снежинок, как будто целующих руки, щёки, глаза.

— Да, меня эта мысль тоже приятно волнует. Ведь один раз в тысячу лет бывает дата с тремя нулями в конце.

— И наши маленькие, ничего не значащие жизни, выпали как раз на такой период. Интересно, каким он будет, этот год.

— Мне исполнится шестнадцать.

Рома усмехнулся.

— Кстати, Милена, ты слышала песню «Не плачь, Алиса»? Лет семь-восемь назад её крутили на всех дискотеках. Мне двоюродная сестра рассказывала, что они эту «Алису» даже в школе разучивали на уроках музыки.

— Да, слышала, но не вникала особенно. А что?

— А я по радио услышал, потом нарочно скачал в Интернете и ещё несколько раз прокрутил. Такое впечатление, что люди поют и даже не задумываются, о чём.

— А что: «Не плачь, Алиса. Ты стала взрослой» Что здесь такого?

— О, знаешь слова. Так вот: «Ты стала взрослой, праздник наступил и тебе уже шестнадцать лет. Прощай, Алиса. Погасли звезды, и глядит в окно взрослой жизни первый твой рассвет». Вот, объясни мне, недоумку, о чём песня, от которой вся страна на ушах стояла? Почему Алиса плачет?

— Может быть, ей взгрустнулось оттого, что закончилось детство.

— Ты будешь плакать, когда тебе шестнадцать исполнится? А в двадцать пять мне тебя, что же, корвалолом отпаивать придётся?

— Не все же такие толстокожие, как мы с тобой, — засмеялась я.

— Хорошо, а почему они прощаются?

— Алисе исполнилось шестнадцать.

Мы уже хохотали в голос.

— Дайте пройти. Идут нога за ногу.

— Извините.

Мимо нас прошаркали старческие шажки, унося с собой ворчливый голосок неопределённого цвета. У старушек почти всегда такие непонятные голоса. Невозможно представить, какими они были в молодости.

— У девки-то глаза никуда не смотрят. Наркоманка, наверное.

— Это она про меня?

— Не обращай внимания, Милена. Старухи часто как змеи. Не понимаю, откуда это берётся у некоторых. Нашу соседку

возьми. Там, где, казалось бы, должна появиться мудрость, из всех дыр лезет желчь.

Шажки смолкли. Стало грустно. Рома прав. Не стоит обращать внимания на всяких злыдней. И всё-таки попробуй не обращаться!

Знание.

— Помогите, помогите, человеку плохо!

Рома схватил меня за руку.

— Ты что, с ума сошла? Кому плохо?

— Беги, не стой! Эта бабка сейчас упадёт. Скорей!

— Помогите!

— Кому плохо?

— Что случилось?

К нам стали обращаться прохожие.

— Бабушка упала. Вызовите «Скорую».

Ей стало плохо с сердцем, и она упала на асфальт. Но кто-то уже вызвал «Скорую». Машина вот-вот должна подъехать.

— О ней позаботятся. Пойдём.

Рома потянул меня в сторону.

— Вот видишь, Милена, всё-таки твоё Знание разужасное не совсем бесполезно. Благодаря ему ты помогаешь людям.

— Я не уверена, что помогла этой бабуле. Она ведь уже упала. Наверное, потеряла сознание.

— Помогла, конечно. Если бы ты не закричала, она бы, возможно, и сейчас лежала там одна. А так люди сбегались, медиков вызвали. Гордись и чувствуй себя счастливой за такой Дар.

Я вспомнила вчерашний вечер.

— А знаешь, почему я вчера напилась?

— Мгм?

— Потому что «Дар» этот, как ты говоришь, открыл мне не самую приятную истину. Сергея должна была увести с собой на ночь одна из одноклассниц Гриши.

— Опять Сергей! Плюнь ты на него, Милена, с высокой горы.

— Ты так говоришь, потому что никогда не был влюблён. Вот влюбишься, посмотрим, как тебе удастся плюнуть.

— А тебе не кажется, что ты просто вбила себе в голову красивое страдание?

Мне стало смешно и в то же время досадно.

— Ты заговорил, как Гришка.

— Потому что все понимают, что этот Сергей не для тебя писан. И слава Богу, что не для тебя. Я вообще думаю, что твоя пылкая любовь к пустоголовому бруталу основана только на разнице в возрасте.

— Ты сдурел. Да?

Друг пропустил мои слова мимо ушей.

— Может быть, я и ошибаюсь, но, думается, Фрейду здесь было бы где разгуляться. Возможно, тебе не хватает отца, а тут обожаемый брат и компания его друзей. Если бы не твоё благоговение перед Григорием, тебе бы и в голову не пришло вздыхать о тридцатилетних дяденьках.

— Ну, блин, Ромка. Исходя из твоей теории, все девчонки, мои ровесницы, которых вырастили отцы, поголовно должны сохнуть не по тридцати, а по сорокалетним мужчинам. Они же тоже любят отцов.

— Вот что ты фырчишь, как Ундина на спаниеля из соседнего подъезда? Я не хотел сказать ничего плохого. Я пытаюсь разобраться и говорю, что ты, может быть, чего-то недополучила в детстве. Иначе я не в состоянии объяснить, почему ты сама не видишь, что этот Сергей — просто ноль.

— Знаешь что, психолог хренов, — проговорила я, еле сдерживая эмоции, — прекращай умничать и давай лучше поиграем в буриме. Придумай стих на слова *снег — побег, птичка — затычка*.

* * *

Всё-таки прогулка с Ромкой меня развеяла и вернула если не хорошее, то сносное настроение. Поэтому вечером, когда пришёл Гриша, я не растерялась.

— Зашёл поругать младшую сестричку? — начала я, как только брат поздоровался. — Спасибо, что маме ничего не сказали.

Я сидела у письменного стола, развернувшись так, чтобы брат видел лицо. Я невинна и безропотна, как младенец. По звуку уловила, что Гриша расположился на диване неподалёку.

— Младшая сестричка, заигравшаяся с алкоголем, ничего не хочет сказать старшему брату?

Вроде бы шутит, но голос натянутый.

— Хочет, — сказала я нарочито детским голоском, — больше так не буду.

— Это легче всего сказать «больше не буду», но, Милена, меня действительно поразило твоё поведение. Дело даже не в том, что ты безобразно напилась, а в том, какой ты стала в этом состоянии. Настоящая оторва.

Я молчала. Пусть выговорится. Начну возражать — только хуже будет. Как-то на просторах Интернета я наткнулась на совет: если собеседник злится, нужно дать ему восемь минут. Считается, что для того, чтобы выпустить пар, большего не требуется. Что ж, восемь минут у меня есть.

— Милена, — продолжал Григорий, — скажи, а твоё Знание насчёт Сергея — это правда, или так, пьяное бормотание?

Ах, вот что его беспокоит! Я вчера с уверенностью заявила, что знаю о нашем с Серёжей будущем.

— Если и так, то что?

— Без «что». Я спрашиваю, изволь ответить. У тебя были какие-то откровения по этому поводу?

Не знаю, хватило бы брату восьми минут, чтобы исчерпать запасы праведного гнева. Эксперимент не удался, потому что мой язык сорвался с привязи значительно раньше.

— Было бы классно, правда? Мой обожаемый брат и любимый муж — друзья с детства.

Мне почему-то нравилось дразнить Гришу, хотя неуместность такого разговора сейчас я понимала прекрасно. А — пусть. Моё Знание — это только моё, его не проверишь. На самом деле ничего я, увы, про Сергея и себя не знаю. Вчера я просто сказала то, что очень хотелось сказать. А Знания, свяжет ли нас что-нибудь с Сергеем, не было и нет. Но почему бы не сказать сейчас Грише, что да, наше с Сергеем будущее счастье я вижу как на ладони.

Нет. Я не посмела ни соврать брату, ни даже просто отмолчаться.

— Не знаю я ничего. Я просто хочу быть с Сергеем.

Брат вздохнул. С облегчением, конечно. Я знала, какими будут его дальнейшие слова. Знала по опыту. И не ошиблась.

Ничего, выдержи и на этот раз.

— Я ещё раз вынужден попросить тебя, Милена, выбросить весь этот бред из головы.

— А это не в голове, Гриша. Я его люблю! — Всё-таки не выдержала, закричала. — Ты думаешь, я не способна на любовь, думаешь, я не женщина?

— Ты — женщина? Ты восторженная девчонка, — тоже повысил голос брат. — Но, в любом случае, даже если бы Серёжка мог тобой увлечься, я бы не пожелал своей сестре такого спутника.

— «Если бы», значит, ты уверен, что Серёжа не может мной увлечься?

— Надеюсь, я не очень тебя удивлю, если скажу, что да, да, да, уверен. И слава Богу, что уверен.

Мне захотелось, чтобы он ушёл, ушёл и унёс свои жестокие слова. Пусть не останется от них ни следа, ни памяти.

— В чём дело? — заглянула мама.

— Ни в чём. Мы с Миленой разговариваем. Тебе бы тоже, мама, иногда не мешало проводить беседы с дочерью.

Дверь тихо закрылась. Мама, как обычно, не стала спорить. А мне было так плохо. Ведь всё, что говорит брат, он говорит с намерением причинить боль. Зачем? По щекам потекли слёзы.

Гриша, наверное, понял, что перегнул палку. Подошёл. Положил руку на плечо.

— Извини, сестра, я погорячился. Я действительно боюсь, что кто-нибудь по легкомыслию сделает тебя несчастной.

— Гриша.

— Послушай меня, пожалуйста.

В его голосе прозвучало что-то такое, что заставило меня замолчать.

— Я понимаю, что в твоём возрасте осознавать такие вещи трудно.

Говорил брат медленно, обдумывая каждое слово.

— Вот, знаешь, если вода попадает на хорошую землю, она её питает, и из земли растут трава и цветы. А попав на асфальт, который воду не впитывает, стекает грязными потоками в канаву. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Нет.

Никогда ещё Гриша не разговаривал со мной так. Мне стало немного не по себе.

— Есть люди добрые, обаятельные, интересные, но впитать в себя они ничего не способны. Они живут одним днём. Они не взрослеют. Им нет дела до совершённых ошибок. Ты не такая. Ты будешь по жизни пропускать через себя всё. Это тяжело. Но я хочу, Милена, — уже обе руки брата лежали на моих плечах, — чтобы в этой жизни рядом с тобой был человек, который смог бы разделить эту тяжесть, и не просто разделить, а помог оценить и благодарить жизнь за любой полученный опыт.

Я чувствовала, что взгляд Григория устремлён мне в глаза.

— Поцелуй, объятия, всё остальное, без них нельзя, конечно, в молодости, но поверь, сестра, что очень страшно, идя с работы, однажды признаться себе, что домой идти не хочется... А дома тебя и поцелуют, и приласкают, выслушают даже. И ни слова при этом не поймут. Одиночество в собственном доме, среди близких людей — это, наверное, самое жуткое, самое безысходное одиночество из всех. Ты поняла меня, Милена. Поняла?

* * *

Искусственная ёлка гораздо лучше живой. Её покупаешь, и она служит верой и правдой десятилетиями. Она не осыпается, тем самым избавляя хозяев от лишнего общения с пылесосом или веником. Кроме того, с точки зрения гуманности, искусственная ёлочка — это не загубленное, взятое из леса дерево, а красиво сделанный руками человека новогодний атрибут.

Я согласна.

Я подписываюсь под каждым словом.

Но с чем сравнить эту радость, детский восторг в тот миг, когда открывается дверь и понимаешь, что брат пришёл с ёлкой.

С этой гостьей из леса, влажной, пахнувшей хвоей, хочется здороваться, пожимая каждую колючую веточку. Это и есть начало праздника. Живого, не искусственного.

Я достала из коробки следующую игрушку. Провела по веткам рукой. Здесь, кажется, пусто.

Мне нравится наряжать ёлку самостоятельно. Хорошо бы перед тем, как её увидит мама, спросить у Ромы, как у меня получилось. Он бы честно подсказал, что и где нужно поправить или перевесить. Но Ромка сегодня не придёт. Он собирался на день рождения к родственнице. Мама же, если я что-то сделала не совсем эстетично, молча перевесит игрушки сама.

Я наклонилась ещё за одним шариком.

Мысленно вернулась к словам Гриши.

«Есть люди, которые ничего не способны в себя впитать». О ком он говорил? О Сергее? Но откуда эта удушающая печаль в голосе? О Гусе? Мой брат одинок в своей семье и боится, что меня ждёт та же участь?.. Чушь! С чего ему быть одиноким? Гуся хоть и клуша, но неплохая, в сущности, девчонка. Антошка же и вовсе самый лучший в мире ребёнок. Или я действительно чего-то ещё не понимаю?

Куда бы пристроить теремок? Эта игрушка, кажется, сохранилась ещё с маминого детства. Попробую повесить повыше.

Зря брат беспокоится из-за Серёжи. И Рома тоже зря мне лекцию прочитал. После моей выходки мне с Сергеем никогда больше не встретиться. Даже если появится такая возможность, придётся под любым предлогом избегать встречи. Подумать жутко, какой невероятной дурой считает меня Сергей. И это волнение, это ни с чем не сравнимое ощущение, которое я испытала, когда он держал меня на руках, — больше никогда не повторится. Всё, что мне осталось в жизни, — до старости вспоминать эти счастливые секунды. С кем-то другим, я уверена, я никогда не смогу испытать ничего похожего. Серёжа, как сказал Ромка, писан не для меня.

Кто-то позвонил в дверь. Проверив, надёжно ли пристроен очередной стеклянный шар, я направилась в прихожую.

— Кто там?

— Милена, это я.

Внутри как будто взорвали новогоднюю петарду.

Мне ни в коем случае нельзя с ним встречаться. Какой придумать предлог, чтобы не открывать дверь? Если он на меня хотя бы просто посмотрит, я в ту же минуту умру от стыда за своё поведение на празднике. Не буду открывать, не буду!

Все эти мысли пронеслись в голове, пока дрожащие руки возились с замком.

— Здравствуй, Сергей.

Глава 8

— Привет, моя радость!

Сергей иногда заходил к нам. Что-то передать брату, если его не оказалось дома, перекинуться двумя-тремя словами со мной или с мамой... Поэтому в его визите не было ничего особенного. Но в свете обстоятельств, при которых мы виделись в последний раз, да ещё моего твердокаменного решения изо всех сил избегать встреч с Серёжей, его приход взволновал меня чрезвычайно. Умом понимая, что Сергей не мог прийти ради моих прекрасных глаз, я всё-таки чувствовала себя сейчас так, будто явилась на первое, отдающее сладостью запретного плода, свидание. Внутри всё знакомо запело, стоило мне только открыть дверь, впустив в квартиру его голос, его запах.

— Заходи.

— Я на минутку. Хотел к Гришке заскочить, никто не открыл.

— Ну да, Гриша и Галя ещё на работе. Антошка в садике.

— А ты почему не в школе?

— Нас на каникулы отпустили.

— Повезло вам, а ёлка новогодняя была?

Разговор нравился мне всё меньше. Так мы подойдём к вопросу, жду ли я на Новый год Деда Мороза и Снегурочку.

— Серёжа, у старшеклассников не ёлка, а дискотека. Была, конечно. Ты раздевайся. Пойдём, попьём чаю.

— Киска, я действительно зашёл на минутку. Я, собственно, хотел на концерт вас с Гришкой пригласить.

Во всём, что он говорил, я слышала одно. Ему очень жаль, что он не застал брата, приходится договариваться с сестрой, поведение которой предсказать порой не представляется возможным. Вот он и старается как можно быстрее закончить разговор.

— Какой концерт? — спросила автоматически.

— Есть четыре билета на тридцатое декабря на Альберта Рощина. Хотел пригласить Гришу, Галочку и мою очаровательную фею.

Оказывается, настроение может измениться на прямо противоположное за время, которое требуется, чтобы произнеси одну короткую фразу.

Альберт Рощин! Только благодаря его песням хочется верить, что наша эстрада не совсем безнадежна. Один раз я слышала трансляцию его концерта по радио. Несколько дней ходила под впечатлением. Каждая песня — маленький шедевр, и музыка, и тексты: всё — из души в душу. Но дело не только в этом. Очень понравилось непринуждённое общение певца с залом. Попасть на концерт Рощина я мечтала давно. И вот мечта сбывается, да не просто так. Слушать Рощина я пойду с любимым человеком. А с ним я бы пошла слушать даже рэп, который, вообще говоря, терпеть не могу.

— Сергей... Серёжа, это же такое чудо — Альберт Рощин.

Гриша, наверное, был не так уж неправ, когда называл меня восторженной девчонкой. По крайней мере, в тот момент мне хотелось завизжать от радости.

— Значит, пойдём?

— Ещё бы!

Я вдруг испугалась, что брат и Гуся по каким-то причинам откажутся. То есть, Гриша точно будет не в восторге от приглашения. Зато Гуся, скорее всего, ухватится за возможность весело провести время, и я очень надеялась, что мой братец не захочет портить себе Новый год надутыми губами своей второй половины.

— Ещё бы, — повторила я уже уверенно.

— Ну и чудненько, тогда до встречи. Побегал я.

— Ой нет, Серёжа, вот теперь я точно тебя не отпущу. Даже не надейся.

Вместе с хорошим настроением откуда-то явилась и озорная наглость — не отпущу и всё.

— Раздевайся, а я на кухню ставить чайник. Ты будешь чай или кофе?

Он засмеялся. Слегка приобнял за плечи.

— Ну давай, хозяйюшка. Мне кофе лучше.

Я пошла на кухню. Как, оказывается, легко сказать «не отпущу». Безбашенная девушка. Ну, а что здесь особенного? Человек зашёл, пригласил на концерт. Неужели нельзя его даже кофе угостить? По-моему, это было бы просто невежливо.

* * *

Есть такие моменты, которые хочется пропустить, перемахнуть как через что-то несущественное или несуществующее. Я уже говорила, что не белоручка, которая не в состоянии себя обслужить. Я умею готовить, а уж такие элементарные вещи, как заварить чай или насыпать в чашку кофе (к слову, у нас в доме имеется только растворимый), а потом залить кипятком, — для меня вообще не вопрос.

И всё же сделать это так, как сделали бы люди со зрением: за секунды, не задумываясь, я не могу. Приходится осторожно контролировать уровень кипятка в чашке пальцем. Сейчас я в первый раз готовила чай для Сергея. Конфетница у меня красивая. Чем её заполнить? Конфеты, печенье тоже нашлось. А вот мысль, как я буду разливать при Серёже кофе, момент, при котором никак не удержишь за кадром отсутствие зрения, беспокоила меня не на шутку. Шаги. Гость появился на кухне, подошёл ко мне.

— Присаживайся, Серёжа, я сейчас.

Невольно подумалось о Ромке. Вот уж с кем мне совершенно без разницы, как я выгляжу и какое произвожу впечатление, когда наливаю воду. Что-то пойдёт не так — очередной повод для хохота и взаимных подначек, типа того, что сегодня Милене нельзя доверить даже чайник, а Роме его доверить нельзя никогда. Интересно, почему так получается? Чем больше мы хотим нравиться, тем меньше в нас естественности. А ведь естественное поведение, пожалуй, одна из самых привлекательных черт в человеке.

Я подняла горячий чайник над чашкой.

— Может, тебе помочь?

— Нет, я сама.

Разлила всё-таки по чашкам — хорошо, не по столу — этот кипятков. Подала сахар, предложила молока (Сергей отказался). Всё в порядке. Но чувство неловкости всё же сковало. Я не знала, о чём говорить. Какое-то время пили кофе молча.

— Миленка, смотри, что у меня есть, — Сергей сделал какое-то движение, а потом вложил мне в руку что-то... небольшое, холодное.

— Что это?

Вспомнились Антошкины игрушки.

— Ой, пистолет! Игрушечный?

— Вообще-то да, но выглядит абсолютно как настоящий.

— Зачем он тебе, Серёжа?

— Да просто понравился. Симпатичная вещица и, главное, действительно — запросто можно принять за настоящий пистолет.

Мне снова стало легко. И пусть говорят всё, что угодно, а мне так нравится в нём это, наверное, детское умение жить так, как хочется. Приглянулась игрушка — купил. Почему нет?

— У тебя очень красивая улыбка, Миленка.

— Скажи, Серёжа, что ты подумал обо мне после моих слов на дне рождения Гриши?

Хорошо, что он сказал про улыбку. Я опять почувствовала, что могу всё. Пусть, да, пусть этот разговор состоится, чем бы он ни закончился.

Сергей усмехнулся. Не обидно. Просто его, кажется, смутил вопрос.

— Я тогда очень напилась.

— Ничего, киска, через это проходят все.

Второй раз за день называет меня кисой. Я уже сильно сомневалась, что моя выходка объяснялась воздействием алкоголя, а не присутствием этого человека. Во всяком случае, даже сейчас, когда я пила только кофе, у меня сносило крышу.

— Ты думаешь, что всё, что я тебе сказала, я сказала, потому что была пьяной?

Он не ответил.

— Серёжа.
 — Как бы то ни было, Милена, всё в порядке. Всё хорошо.
 Он, кажется, утешает меня.
 — Но ты ведь и сам знаешь, что я тебя люблю. И, мне кажется, всегда буду любить.
 Сергей поднялся из-за стола.
 Неужели вот так возьмёт и уйдёт?
 Нет, подошёл к окну.
 — Это Светлана Дмитриевна за цветами ухаживает? — про-
 изнёс Сергей.
 — Мы с мамой вместе ухаживаем. А орхидеи полностью
 на мне.
 — Я так и подумал. Я тоже люблю орхидеи. И они у тебя ши-
 карные.
 Я тоже встала и направилась к подоконнику. А потом почув-
 ствовала, что Сергей быстро отвернулся от цветов и шагнул мне
 навстречу.
 — Милена.
 Я ждала. Чего? Его слов? Того, что прикоснётся, обнимет, по-
 целует? Не знаю. Просто ждала.
 — Ты очень хорошая девчоночка, Милена. Я рад... Нет, я про-
 сто счастлив, что в моей жизни есть такой человек, как ты. Я пом-
 ню, когда ты была совсем маленькая, года полтора...
 Боже, неужели он сейчас начнёт вспоминать, как меня отуча-
 ли от пустышки...
 Я не знала, как далеко могу зайти, но — будь что будет! — сде-
 лала ещё один шаг к нему. Он замолчал. Он был совсем близко.
 — Обними меня.
 Я не отрицаю, что я чокнутая. Бессовестная. Бесстыжая. Как
 угодно назовите. И всё-таки знаю, что тот, кто хоть раз пережил
 это ощущение — любимый человек в сантиметрах от тебя, нуж-
 но совсем немного, совсем-совсем, чтобы в следующий миг...
 Ну... Вы понимаете — чтобы в следующий миг не стало этих раз-
 делиющих сантиметров. Кто пережил, тот меня не осудит.
 — Обними, — я уже прошептала... Или выдохнула.
 Мы и так стояли близко, но я ощутила его движение... Дви-
 жение ко мне.

Что произошло в следующий момент? А как вы думаете?
 В следующий момент раздался два коротких звонка в дверь.

* * *

Не может быть! Ромка же у родственников. Но так звонит
 только он.
 Пришлось идти открывать.
 — Ты уже нарядила ёлку? Показывай.
 — Почему ты не в гостях?
 — Да как-то передумал в последний момент. Предков отпра-
 вил, а сам решил к тебе завернуть.
 — Молодёжь, — появился следом в прихожей Сергей, —
 я ухожу. Дела сегодня. Совсем забыл.
 Я слышала, как он поспешно надевал куртку.
 — Милена, жду вас с Гришкой и Галиночкой на концерте.

— Ромка, тебя мало убить.
 Когда я закрывала за Серёжей дверь, мне хотелось плакать.
 — Ну, зачем ты пришёл? Так не вовремя! Что значит: передумал?
 Как можно передумать, если тебя приглашают? — я прошла
 в нашу маленькую гостиную. — Вот ёлка. Любишься. Чёрт бы по-
 брал и её, и тебя вместе с ней.
 — Милена, успокойся.
 — Рома, если бы не ты...
 — Вот и я о том же. Когда увидел в окно, что этот раздолбай
 подходит к нашему подъезду и прикинул, что ни брата твоего,
 ни Галины дома ещё нет, у меня вдруг пропало желание ходить
 по гостям.
 — Что? — было чувство, что я вижу дурацкий, не имеющий
 ничего общего с реальностью, сон. Он что же, нарочно пришёл,
 чтобы вмешаться в мои отношения с Сергеем?
 — Я что-то торможу, Рома. Ты знал, что Сергей здесь, и при-
 шёл, чтобы...
 — Значит, не тормозишь. Да, с твоей необузданной эмоци-
 ональностью и его явной безответственностью я подумал, что
 вам лучше не оставаться наедине. Милена, тут шарик малень-

кий. Я бы его повесил пониже. В середину лучше шары побольше, чтобы как входишь в комнату, взгляд сразу падал на ёлку.

— Рома!

Как он может говорить о каких-то украшениях? Неужели он не понимает, что сделал?

— Уходи, и больше никогда здесь не появляйся.

— Милена!

— Если бы не ты, я, может быть, была сейчас очень счастлива.

— И в чём бы это счастье заключалось?

— Он... — я задумалась.

Действительно, в чём? Сергей ведь был совсем рядом, и если бы не Ромка...

— Он бы поцеловал меня. Уходи.

— Чего хочет женщина, того, как известно, хочет Бог. Ухожу. А знаешь, я ведь не думал сначала заходить. Честно собирался с родителями на день рождения. Потом прокрутил в уме ваше рандеву и понял, что ни к чему хорошему оно не приведёт. С какой стороны ни посмотри. Он, конечно, мог тебя поцеловать... и не только, если бы ты очень попросила.

— Перестань.

Тяжело было именно потому, что он говорил так, будто видел и слышал, как я просила Сергея меня обнять.

— А ещё он мог сказать, что уважает тебя, относится к тебе как к сестре, к другу. У иных на лбу написано, что они запросто способны подменять одно святое понятие другим. А ты потом годами бы думала, что если кумир не может относиться к тебе иначе, чем по-родственному, значит, никто не сможет. А ведь любить по-родственному — это очень-очень много. Но предлагать одну любовь взамен другой — глупо и неправильно. Или вместо любви говорить об уважении и дружбе, когда не хватает смелости сказать, есть любовь или нет. Там, где любви нет, её и быть не может.

Нет, Ромка не во всём был прав. Сергей не говорил, что любит меня как сестру, но что-то близкое к этому, да, прозвучало.

— Какое тебе дело, кто мне и что сказал? Я же не вмешиваюсь в твою личную жизнь. Я даже не знаю, есть ли у тебя кто-нибудь.

— Потому что не интересовалась. Ну да, я объект для разговоров действительно неинтересный. Пай-мальчик: учёба, и не позже девяти ноль-ноль дома, с мамой.

— А, кстати, почему?

— Да так уж получается. И ещё — я не жалею, что пришёл, и что предмет твоих грёз сделал ноги. Потому что просить о любви должна не ты, а тебя. Чем раньше ты это поймёшь, тем лучше.

Рома направился к входной двери.

— Рома... — неужели я сегодня снова скажу, и уже другому человеку, что не отпущу его?

— Что? — он остановился. — Да, мы, кажется, забыли про ёлку. Ты об этом хотела сказать?

Всё сразу стало на свои места. Он друг. И он не уйдёт.

— Естественно об этом, Ромка. О чём же ещё?

* * *

На концерт! На концерт! Гриша с Гусей, я с Сергеем. Почему бы не сделать вид, что так всё и задумывалось.

За час до выхода ко мне прибежала невестка.

— Миленочка, тебе не идёт эта причёска! Зачем ты волосы накрутила?

— Чтобы кудряшки побольше были. Но, кажется, они действительно слишком большими получились.

— Конечно, слишком. У тебя прекрасные волнистые волосы, не нужна им никакая завивка.

Гуся орудовала над моей причёской, безжалостно размачивая завивку, над которой я столько промучилась.

— Теперь чуть-чуть лака для укладки, вот сюда, на чёлку. Фен! Всё, божественно. И это чёрное платье с блёстками тебе очень идёт.

Мы решили обойтись без машины. Продлить удовольствие от прогулки. Брат, как я и предполагала, на концерт Рощина не рвался, но нашим с Гусей уговорам уступил довольно быстро.

Когда вышли из метро, я спохватилась:

— Серёжа, ты в прошлый раз забыл у нас свой пистолет, он у меня в сумочке.

Я хотела открыть сумку и отдать игрушку, но Серёжа меня остановил.

— Заберу после концерта, пусть пока у тебя.

Мы подходили к концертному залу.

Запахи, звуки, запахи, звуки. Машины, шаги, волны ароматов парфюма, мужского и женского. Я очень чувствительна на ароматы. Иногда обдаст волной — хочется подойти, познакомиться с хорошим человеком. А иногда... Пахнёт — настроение портится. Как можно пользоваться такой дрянью!

И тут среди запахов машин и духов, среди звуков городской суеты, в ощущении весёлого пофигизма — сегодня мы гуляем, сегодня мы счастливы! — неожиданной удушающей петлёй захлестнуло Знание.

Я остановилась.

— Пойдём, Милена, ты что?

Сергей потянул меня за руку.

В фойе он чуть ли не силой снимал с меня куртку. А я пыталась объяснить:

— Нельзя. Где Гришка? Нельзя идти на концерт.

— Милена, да ты что, белены объелась?

— Что случилось?

Слава Богу, подошёл брат.

— Гриша, туда нельзя.

Мне почему-то очень трудно было говорить. Понимала, какое странное впечатление я произвожу на Сергея. И сейчас именно это казалось важнее всего.

— Что, Знание?

У Гриши тоже упал голос.

— Что случилось? — спросила уже и Гуся.

— Здание заминировано, — произнесла я, наконец.

Взрыв произойдёт через шестнадцать минут.

Глава 9

— Да ладно, пусть, — произнёс Сергей, — взорвётся, значит, будет что-то вроде иллюминации в нашу честь.

Получилось не смешно, хотя обычно я обожаю, когда Серёжа шутит. И первая покатываюсь со смеху.

— Мы все погибнем. Надо срочно уходить. И предупредить людей.

Гриша пытался объяснить. Сергей смеялся.

Я была поражена. Обычно так и реагируют люди, когда впервые слышат о моих способностях. Но Сергей слышал не впервые. Ёлки-палки, он же знает меня с рождения. И так далёк от... От моего острова.

— Что же делать? Не можем же мы просто уйти, здесь столько людей, — сказала Гуся.

Даже она поняла, а Сергей упорно не желал понимать.

— С ума вы все посходили.

Ему никто не ответил.

— Идём, — Гриша решительно взял меня под руку.

Мы протискивались сквозь толпу меломанов, а когда остановились, я услышала, как Гриша спросил требовательным тоном, видимо, у билетёрши:

— Кто у вас главный? Директор? Срочно надо поговорить.

— Миленькие, через пятнадцать минут концерт начнётся. Какие разговоры? — прозвучал в ответ старушечий голос.

— Срочно, бабушка. Речь о теракте.

— Господи!

Всё правильно, накануне двухтысячного года кто не знает этого слова — «теракт»?

Все радиостанции только и говорят то о ложном предупреждении, то о свершившемся теракте. В уходящем году террористы взорвали дома в Москве, Буйнакске, Волгодонске. Из дома

моей подруги Наташки на несколько часов были эвакуированы все жители, потому что кто-то сообщил о подброшенной взрывчатке. Наташа рассказывала, как были взволнованы и напуганы люди. Старушки плакали: «В мирное время нас выгоняют из собственных домов». Сигнал не подтвердился, как и во многих подобных случаях. Но он поступил, и его обязаны были проверить. И проверили. А сейчас у нас оставалось очень мало времени, чтобы убедить администрацию — все, кто находится в концертном зале, — в неизбежной опасности. Если они не прислушаются к сигналу... Моему. Милены Барсовой. Неполных шестнадцати лет от роду.

— Подождите, охламоны. Павел! — крикнула куда-то в сторону бабулька. — Подойди!

— Вы нас в зал пропустите? — начали возмущаться посетители. А я проживала каждую секунду, как будто идя к эшафоту.

Подошёл Павел. Охранник, наверно.

— Отведи этих к директору. Про теракт говорят.

— И побыстрее, пожалуйста, — попросил Григорий.

— Да, побыстрее. Это очень срочно, — подхватила и я.

— Теракт!

— Теракт!

Закружилось по помещению, как новогоднее конфетти.

— Откуда информация? — по тону голоса чувствовалось, что Павел привык быстро и чётко расставлять акценты. — Так, имейте в виду, ребята, если вы напрасно мутите воду, будете отвечать по всей строгости.

— Мы готовы, — заверил Гриша.

— Говори за себя. Я вообще не понимаю, что за балаган, — возмутился Сергей.

— Серёжа, не надо, пожалуйста, — попросила я и добавила как можно громче, — мы готовы ответить.

— Вот только детей забыли спросить, — ворчливо откликнулся охранник. — Ну, идёмте.

Какой противный у него голос. Цвет? Не могу определить. Страшно! Как мне страшно!

Нас вели коридорами, лестницами. Ещё коридорами, ещё лестницами.

Сколько раз я пыталась активировать Знание, чтобы увидеть отдалённое будущее. Особенно мне было интересно всё, что касалось Серёжи. Знание никогда не подчинялось воле. И только сейчас я подумала, что все мои предвидения касались либо прошлого, либо совсем недалёкого будущего. Я была уверена, что это моя особенность, и только сейчас пришла давящая ужасом мысль, что далёкого будущего — очень может быть — для меня и не существует.

Для меня.

Для Гриши.

Для Серёжи.

Для Гуси.

Запахи концертного зала: кожа, дерево, парфюм. Откуда-то потянуло ароматом кофе. До взрыва осталось двенадцать минут. Если нам не поверят или хотя бы чуть-чуть задержат... Что будет?

Я ощутила, как ремешок сумочки соскользнул с моего плеча. Рефлекторно остановилась, поправляя.

— Идём, Милена, — поторопил брат.

Конечно. Какие уж тут остановки!

Страшно. Хочется убежать. И я же могу убежать, и Гриша, и Гуся, и Сергей. Почему мы идём вперёд, вместо того чтобы мчаться назад? Скорей покинуть это начинённое смертью здание! Почему? Какое нам дело до всех этих людей?

Я сделала движение, потянула Гришу назад.

— Ты что?

— Ничего, извини.

Господи, что за идиотка? Никуда мы не убежим. Будем убеждать, доказывать. Пока не...

Чёртов ремешок снова соскользнул с плеча.

— Давай мне, — предложил Сергей.

Я с облегчением и благодарностью передала сумку.

Мы остановились. Провожатый, открыв дверь, прокричал:

— Борис Васильевич, тут к вам, срочно.

— Что случилось, Павел? Концерт начинается с минуты на минуту.

Я высвободила руку.

Рванулась вперёд, буквально влетая в кабинет:

— Борис Васильевич, поверьте, пожалуйста...

Брат снова взял меня за локоть.

— Что случилось, девочка?

— У директора был божественный голос: бархатистое звучание цвета коры дерева.

А до взрыва оставалось десять минут.

— У нас концерт вот-вот начинается. Что вы хотите?

— Бомба. В здании концертного зала заложена бомба, — произнёс Гриша.

— Откуда сведения?

Я должна его убедить!

— Понимаете, — я очень старалась говорить быстро, — у меня способности особенные, Дар. Помните, как у Ванги? Так вот, мне было видение. Я знаю, что в здании концертного зала, — Гриша верно сказал, — бомба, понимаете? Знание... Предвидение.

* * *

Застонал, кажется, брат. На фоне повисшей тишины этот стон прозвучал воплем.

— Ясновидящая? Взрыв? А может быть, конец света? — пришёл в себя Борис Васильевич.

Я и сама поняла, что натворила. Сейчас нас выгонят взащей. Если успеют.

— Нужно срочно эвакуировать людей из концертного зала. Срочно, понимаете?

Я молила небеса. Пожалуйста, пусть Гриша убедит директора. Пожалуйста. Жить! Жить! Жить! Всё остальное не имеет значения. Мама! Услышать снова её жёлтый, такой нежный, совершенно не способный произносить грубости, голос, ощутить тепло её рук. У мамы необычайно красивые, маленькие, изящные руки. Ромка! Мы ведь с ним чуть не поссорились. Из-за такой глупости! Если мы выживем, я постараюсь донести до всех,

всех, что основной смысл жизни — сама жизнь. Если мы выживем...

До сознания донёсся голос брата:

— Это не шутка. Дело не в ясновидении. У нас есть информация. Необходимо эвакуировать людей. Через несколько минут здание взлетит в воздух.

— Через восемь, — уточнила я.

— Павел, вызови охранников и эвакуируйте этих ненормальных в милицию.

Секунда. Секунда. Секунда. Каждая секунда — шаг в смерть.

— Семь минут, Борис Васильевич!

Я уже плакала, а Павел говорил по телефону:

— В кабинете директора. Идиоты какие-то. У них видение...

Вот он, остров Милена. С таким трудом ко мне на этот остров всё-таки пришли и мама, и Гриша, и Рома, и Наташа. Сомнения, насмешки, споры, но я уже не одна на острове, где ниоткуда рождается Знание. Но какими словами и доводами убеждать, заманивать на него совершенно чужих людей? Что и как говорить, когда времени почти не осталось? Оно есть только на то, чтобы махнуть на всё и всех и спастись, бежать без оглядки... Или умереть... А мы ведь не убежим.

— Положи трубку, Павел, немедленно!

Я вздрогнула.

— Положи трубку, — повторил Сергей.

Сергей? Да, это он!

Что он собирается делать?

Я услышала сдавленный вскрик Бориса Васильевича. А Сергей продолжал:

— Слушайте меня. Если сейчас же не начнётся эвакуация, я буду стрелять в директора.

Так это он пугач свой достал из моей сумки, сообщила я.

— Сколько минут осталось, Милена?

— Пять.

— Слышал, Павлик? Считаю до трёх и стреляю.

* * *

— Благодарю вас за то, что согласились дать интервью для нашей газеты. Однако хотелось бы уточнить подробности. Всё-таки спасено столько людей. Хотя здание концертного зала серьёзно пострадало. Много раненых. Больше всего досталось самому Рощину. Он в больнице. Но главное, никто не погиб.

— Да, это просто чудо. Когда была объявлена эвакуация, оставалось всего четыре минуты, — включился Григорий, — людей приходилось буквально за шиворот вытаскивать.

Мы сидели на кухне: я, Гриша и корреспондент крупнейшего издания Санкт-Петербурга. После вчерашнего происшествия он позвонил и попросил дать интервью.

* * *

Вчера, когда эвакуация была, наконец, объявлена, Галя, подчиняясь брошенному Григорием: «Бери Милену, и уходите», взяла меня за руку и повела... нет, потащила прочь. Те же коридоры и лестницы, коридоры и лестницы. Улица. Декабрьский ветер набросился на наши вечерние платья и причёски.

— А Гриша, а Серёжа?

Я знала, что невестке хотелось одного — быть рядом с мужем. Чувствовала: она постоянно оглядывалась, но она тянула и тянула меня дальше от опасного места.

— Они сейчас, Миленочка. Они придут.

Потом, когда всё закончилось, мы взяли такси. Как тепло, как приятно пахнет в салоне чем-то, напоминающим кокос. И вот тут напряжение схлынуло... Или, правильной сказать, хлынуло обильными потоками слёз. Жизнь!

Галя, которую я уже никогда не смогу назвать Гусей, я слышала, плакала тоже. Я сидела между ней и Сергеем. В какой-то момент Серёжа обнял меня и прижал к себе. Не по-мужски, по-братски. Но как раз это и было мне необходимо в ту минуту.

Сергей, Серёжа, Серёженька. Если бы он не догадался достать пистолет из моей сумки... Как и вспомнил-то о нём! Что бы сейчас было со всеми нами?

Такси остановилось возле нашего дома.

— Серёга, — сказал Гриша, — не выходи, поезжай сразу к себе.

Конечно, ему не было смысла выходить из машины без верхней одежды, которая так и осталась в фойе пострадавшего здания.

Но он вышел, попросив таксиста подождать несколько минут.

— Я провожу Милену.

Брат с женой пошли к себе, а мы с Сергеем — ко мне.

— Ты, значит, предсказательница, колдунья?

Он говорил совершенно без насмешки, как будто удивляясь своим словам.

— А ты не знал?

— Знал, но не относился серьёзно.

Я засмеялась.

Мы стояли в прихожей. На этот раз я и на чашку кофе пригласить его не могла, ведь внизу ждало такси.

— Ну давай, до скорого.

Он положил руку мне на плечо. Его прикосновение отозвалось волной жара во всём моём теле.

А он стоял, смотрел на меня, я чувствовала этот взгляд. Убрал руку с плеча — всё, сейчас уйдёт.

Нет, Сергей легко-легко стал перебирать мои волосы.

И вдруг резко, стремительно обнял меня. И в этом объятии, требовательном, жадном — не было ничего братского. Зарылся рукой в волосы. Там, под волосами, в вырезе платья, на открытую кожу положил горячую-горячую ладонь. Потом... Строго говоря, это не было поцелуем. Он приблизил своё лицо к моему, и — губы в губы, дыхание в дыхание, медленно произнёс моё, как жаль, что всего в три слога, имя:

— Ми... ле... на.

* * *

А сейчас мы пьём чай и стараемся облечь в слова то, что произошло в концертном зале. То есть, стараемся мы с братом. Журналист по большей части задаёт дурацкие вопросы.

«Вы гордитесь спасением людей?»

«Как давно вы узнали о готовящемся теракте?»

«Не знали? Как же тогда смогли предотвратить взрыв?»

«Я пытаюсь понять, из какого источника вам стало известно, что в здание подброшено взрывное устройство?»

— Видите ли, — говорила я, пытаюсь объяснить, — с детства я имею некоторые способности, которые позволяют мне предсказывать события из недалёкого будущего или определять вещи, произошедшие в прошлом. Это от меня не зависит. Я просто знаю, что было или будет, и всё. Вот и о взрыве я узнала буквально за четверть часа.

Молчание. Корреспондент переваривал информацию и, конечно, не верил ни одному моему слову.

— Григорий, а что скажете вы?

— Что тут скажешь? Милена всё объяснила.

— Но вы же не ожидаете, что я поверю в подобную чепуху? Как вы представляете такое на страницах газеты? У нас серьёзное издание. Что я напишу: «Девушка предсказала взрыв»?

— Мы вовсе и не настаиваем, чтобы вы писали о случившемся в вашей газете. Я понимаю, что поверить трудно, но...

— Извините, — перебила я брата.

Я почувствовала, что краска смущения и волнения покрывает не только щёки, но и всё лицо, кончики пальцев становятся ледяными. Неужели я это скажу? Ой, нет, не надо! Но я уже не могла остановиться.

— Извините... Простите... Могу ли я дать вам небольшой совет? Дело в том, что я совсем не против орального секса...

— Виноват...

Я забыла сказать, что голос журналиста был какой-то странный, сипловатый и почти обесцвеченный. Теперь же он сделался прозрачным.

Я услышала, как закашлялся Гриша, и поспешила добавить:

— Теоретически не против. Но... Моё Знание... Вы ведь сегодня со своей подругой встречались. У неё дома, да? Помада у вашей девушки ярко-розовая. Я просто хотела подсказать. Ваша

жена очень ревнива, знаю. Ей может не понравиться, если она увидит след этой помады на... После минета остался. Вы не обратили внимания... А жена обратит. Так что проконтролируйте ситуацию. А то и до развода может прийти. Извините.

Я сделала глубокий вдох, как будто вынырнула из воды.

— О чём вы говорили? Да, поверить в сверхъестественные знания трудно. Но я постараюсь объяснить...

— Спасибо, Милена. — Гость, кажется, медленно возвращался к жизни. — Спасибо, Милена, — повторил сомнамбулически, поднимаясь из-за стола. — Не нужно ничего больше объяснять. Мне кажется, я начинаю вам верить.

Послесловие

Лет шестнадцать назад я получила письмо от незнакомой девушки. Оно было написано рельефно-точечным шрифтом Брайля — несколько небольших по размеру страничек. Я перечитала письмо дважды и долго сидела в полном оцепенении... Наташа (так звали эту девушку) рассказала о себе — искренне, открыто и... невероятно светло и позитивно. Но это была такая сильная боль и крик о помощи, понять которые мог только тот, кто пережил хоть что-то похожее... Я поняла эту боль сразу.

Наташа Демьяненко (а в то время еще Наташа Тишкова) писала о том, что теряет слух и не знает, как жить дальше, как общаться с людьми. В раннем детстве она потеряла зрение, но это совсем не мешало ей быть жизнерадостной, общительной, веселой девочкой. В 14 лет болезнь прогрессировала, и Наташе пришлось сесть в инвалидную коляску. Но и тогда она сумела продолжать активную жизнь, общаться с друзьями (большей частью по телефону). В ее жизни была любимая музыка, книги, поэзия... Любимые и любящие ее люди.

Но в 20 лет всё изменилось. Мир звуков становился всё тише, сужался круг общения. Недоступным стал телефон. Как жить дальше, — она не знала... И не было в то время никого рядом, кто мог бы подсказать, научить новым способам общения.

В ее первом письме меня поразило необыкновенное жизнелюбие. Об испытаниях она рассказывала сдержанно, не жалуясь, зато так искренне радовалась маленькому племяннику, который, по собственному признанию, «позолотил ее жизнь». Было столько любви к близким, родным людям, она так хотела быть счастливой, несмотря ни на что!

Я ответила Наташе тоже по Брайлю, в те годы компьютеров у нас еще не было, и переписка шла по обычной «улиточной»

(как мы ее называли) почте. Предложила Наташе обучить ее по переписке дактилологии — пальцевой азбуке неслышащих и слепоглухих. Наташа с восторгом приняла мое предложение и оказалась невероятно способной ученицей! Ее письма доставляли мне огромное удовольствие: девушка писала так живо, ярко, с юмором! И я пригласила Наташу в журнал «Ваш собеседник», попросив написать заметку о себе. Она охотно согласилась. И написала замечательный текст — добрый, открытый, без жалоб и сетований, очень позитивный.

Вскоре Наталья стала одним из самых любимых авторов журнала. У нее появились друзья среди читателей. Кому-то она сама могла дать совет, чему-то научить. Помню, какой интерес вызвала ее статья о том, как, не имея зрения и слуха, можно пользоваться современной кухонной техникой. Люди благодарили за урок реабилитации, задавали вопросы, делились своими рассказами. В каждом номере журнала были публикации Натальи Демьяненко. Журнал для нее стал собеседником сразу с очень многими людьми.

Мы давали Наталье самые разные редакционные задания — написать очерк, репортаж, юмореску... У нее прекрасно получалось всё. Но мне хотелось, чтобы она написала большое литературное произведение, полностью раскрыла свой талант.

И вот в 2015 году Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение» провел первый литературный конкурс среди людей с одновременным нарушением слуха и зрения. К тому времени у нас с Натальей появились компьютеры и брайлевский дисплей — специальное устройство, позволяющее незрячим людям считывать по Брайлю всю текстовую информацию, имеющуюся на мониторе компьютера. Наташа освоила эту технику практически сама, и перед ней открылись огромные творческие возможности.

Меня пригласили в экспертный совет литконкурса: мы читали все конкурсные работы, писали на них рецензии и давали оценки. И, конечно, первая, кому я рассказала о конкурсе, была Наташа: я посоветовала ей принять в нем участие. Как она обрадовалась! И сразу уселась за работу, не раскрывая темы своего

будущего произведения. А я терпеливо ждала: что же получится у нашей Наташи...

Она написала рассказ от имени двух собачек и кошки о том, как им живется со слепоглухими хозяевами. Это было настолько интересно, необычно, живо и ярко написано, что мы — все члены экспертного совета, — не сговариваясь, поставили наивысший балл. Наталья заняла первое место в конкурсе. Это был ее первый и очень счастливый успех!

А потом была знаменитая Евронеделя культуры и реабилитации слепоглухих в Москве. Собрались люди из разных городов России и зарубежных стран. В течение недели были интереснейшие экскурсии, общение, танцы, музыка, всеобщее веселье. А в первый вечер — торжественная церемония награждения лауреатов литературного конкурса. И среди них первой на сцену вызвали Наталью Демьяненко. Ей вручили приз и огромный букет цветов. Она с трудом сдерживала слезы счастья! А потом к ней подходили и друзья, и совершенно незнакомые люди — обнимали, поздравляли, желали успехов. Никогда прежде она не была в центре такого внимания. Это был ее первый выход в свет, признание ее таланта. И в этот день она состоялась как автор — почувствовала уверенность в своих силах.

А я мечтала о ее новых произведениях и — очень робко — о том, что она сможет их издать. Наташа тоже мечтала об этом... И продолжала писать рассказы, повести, стихи и статьи для нашего журнала.

И вот наша общая с ней мечта, наконец, сбылась! Фонд поддержки слепоглухих издал ее произведение. Она долго работала над повестью. Сейчас с ее Миленой познакомились вы, дорогие читатели, и я уверена, что вы полюбили и героиню, и автора — Наталью Демьяненко — светлого, замечательного, очень мужественного человека.

Это первая ее книга. Будут и другие, обязательно будут!

**Наталья Кремнева,
главный редактор журнала «Наш собеседник»**

Содержание

Глава 1	3
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	66
Глава 9	75
Наталья Кремнёва. Послесловие	84

Литературно-художественное издание

Наталья Демьяненко
На острове Милены

Выпускающий редактор *Владимир Коркунов*

Макет *Светлана Демидова*

Дизайн обложки *Сергей Ивкин*

Корректор *Елена Коровкина*

Бумага офсетная
Гарнитура Minion Pro, FavoritExtraBold
Тираж 150 экз.
Подписано в печать 23.11.2020

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл.,
г. Старый Оскол,
Комсомольский пр-т, 73
kvadrat1998@gmail.com